

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**ЗАПИСКИ**  
**ИНСТИТУТА ИСТОРИИ**  
**МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН**

№ 6



С.-Петербург  
2011

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. № 6. 259 с.

ISBN 978-5-86007-680-8

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: «DMITRY BULANIN», 2011. N 6. 259 p.

*Редакционная коллегия:* Е. Н. Носов (ответственный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Беленкий, Л. Б. Вишняцкий, Л. Б. Кирчо (отв. секретарь)

*Editorial board:* E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, L. B. Vishnyatsky, L. B. Kircho (executive secretary)

*Издательская группа:* Л. Б. Кирчо, Е. В. Бобровская, В. Я. Стеганцева

*Publishing group:* L. B. Kircho, E. V. Bobrovskaya, V. Ya. Stegantseva

*Оформление обложки:* Г. А. Кузнецова

*Layout:* G. A. Kuznetsova

«Записки ИИМК РАН» № 6 открывают статьи В. Е. Шеллинского и Т. А. Шаровской, освещающие предысторию, становление, развитие и нынешние реалии Экспериментально-трассологической лаборатории, яркие личности ученых, составивших научную славу этого подразделения в разные годы. В разделе «Статьи» публикуются работы, отражающие аналитические разработки, новые открытия и исследование. В статьях Е. В. Беляевой, В. Е. Шеллинского, В. В. Питулько, С. Н. Лисицына рассмотрены материалы памятников каменного века, полученные в последние годы. В работах Н. А. Дубовой и А. А. Казарницкого освещены проблемы состава населения эпохи бронзы на юге Средней Азии и в Северо-Западном Прикаспии по данным антропологии. Статьи В. А. Алёшкина, С. В. Кашаева и Е. В. Лебедевой посвящены артефактам эпохи энеолита–бронзы и керамике античного времени. Теоретические аспекты сериационного метода как основы археологической хронологии рассматривает Ю. М. Лесман. Статья С. Г. Попова посвящена типологии и хронологии насыпей культуры длинных курганов. В работах В. М. Федорова, Т. С. Матехиной, Д. О. Осипова и А. В. Курбатова анализируются археологические объекты, отражающие особенности соколиной охоты и традиции закладных жертв при строительстве. Наконец, В. И. Кильдюшевский и В. Я. Стеганцева публикуют новые находки, обнаруженные при охранных раскопках в Санкт-Петербурге, которые позволяют детализировать и дополнить данные исторических источников XIX в. В разделе «Хроника» приводится информация о расширенных заседаниях Отделов, посвященных памяти крупных ученых или дискуссионным проблемам.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

Issue 6 of the «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» opens with papers of V. E. Shchelinsky and T. A. Sharovskaya, elucidating the formation, development and current activity of the Experimental-Tracological Laboratory, as well as bright personalities of the scholars who made its glory in different periods of its existence. The section of «Research papers» acquaints the reader with the results of recent field and analytical research. The works by E. V. Belyaeva, V. E. Shchelinsky, V. V. Pitulko, and S. N. Lisitsyn are devoted to some of the newly obtained Stone Age materials. N. A. Dubova and A. A. Kazarnitsky analyze skeletal materials to reconstruct the composition of the Bronze Age population in the south of Central Asia and north-west of the Caspian shore, respectively. V. A. Alekshin's, S. V. Kashae's, and E. V. Lebedeva's papers deal with the Eneolithic–Bronze Age artifacts, and the pottery of the Classical Period. Yu. M. Lesman discusses some problems associated with the reliability of seriation method as the basis for archaeological chronology. The study of S. G. Popov is devoted to the typology and chronology of the Long Kurgan culture mounds. V. M. Fedorov, T. S. Matekhina, and D. O. Osipov describe recent archaeological finds shedding new light of the old traditions of falconry, while A. V. Kurbatov presents new information about building sacrifices in Medieval Russia. Finally, V. I. Kildyushevsky and V. Ya. Stegantseva publish lithographic stones of the 19<sup>th</sup> century found in the course of recent salvation excavations in St. Petersburg. The section of «Chronicles» contains information about recent sessions and meetings dedicated to various special events and jubilees.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISBN 978-5-86007-680-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2011

## ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ИЗ РАЗНЫХ ВИДОВ СЫРЬЯ НА ИЛЬСКОЙ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКЕ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ)<sup>1</sup>

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

Развитие культуры в палеолите зависело от многих факторов. При этом, наряду с факторами социального характера, несомненно, весьма важную роль играла и природная среда, в которой протекала жизнь палеолитических людей. Они были охотниками и собирателями, и, следовательно, само их существование зависело от наличия мясной пищи. Поэтому расселялись они преимущественно в тех местах и районах, где было достаточное количество промысловых животных. Вместе с тем палеолитические люди не могли также обходиться без природного сырья (камня, дерева), из которого изготавливались орудия для охоты и другой хозяйственной и бытовой деятельности. Однако это сырье, прежде всего каменное, в силу естественных причин не было повсеместно одинакового качества. Со временем появились повышенные потребности в качественном сырье, начался перенос его на большие расстояния, а потом и обмен. Но на ранних этапах палеолита (в раннем и среднем палеолите) люди использовали главным образом наиболее доступное им местное сырье, подчас, по нашим нынешним меркам, не лучшего качества. Вполне очевидно, что качество доступного сырья определяло сферу его применения и особенности технологии обработки. Эти технологии закреплялись в типах изделий и, соответственно, находили отражение в культурном (техничко-типологическом) своеобразии конкретных каменных индустрий. Тем самым освоение и использование того или иного сырья для производства орудий труда создавало основу формирования технологических и культурных традиций палеолитических обществ.

В данной статье речь пойдет об особенностях изготовления и использования каменных орудий труда из разных видов сырья на Ильской мустьерской стоянке. Материалы этой стоянки имеют исключительно важное значение для изучения среднего палеолита юга России.

Сначала необходимо остановиться на общих сведениях о памятнике.

Ильская стоянка находится в предгорьях Северо-Западного Кавказа, в Западном Закубанье, на левом берегу небольшой р. Иль (левый приток р. Кубань), в пос. Ильском, в 50 км к юго-западу от г. Краснодара (рис. 1, *А и Б*). Стоянка была открыта более 100 л. н. и в разные годы раскапывалась и изучалась многими исследователями (Щелинский 2009; Щелинский, Кулаков 2005). Правда, далеко не все материалы раскопок должным образом опубликованы. Не завершены и сами раскопки стоянки, приостановленные в связи с отсутствием финансирования. Тем не менее в настоящее время мы знаем о ней гораздо больше, чем раньше.

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

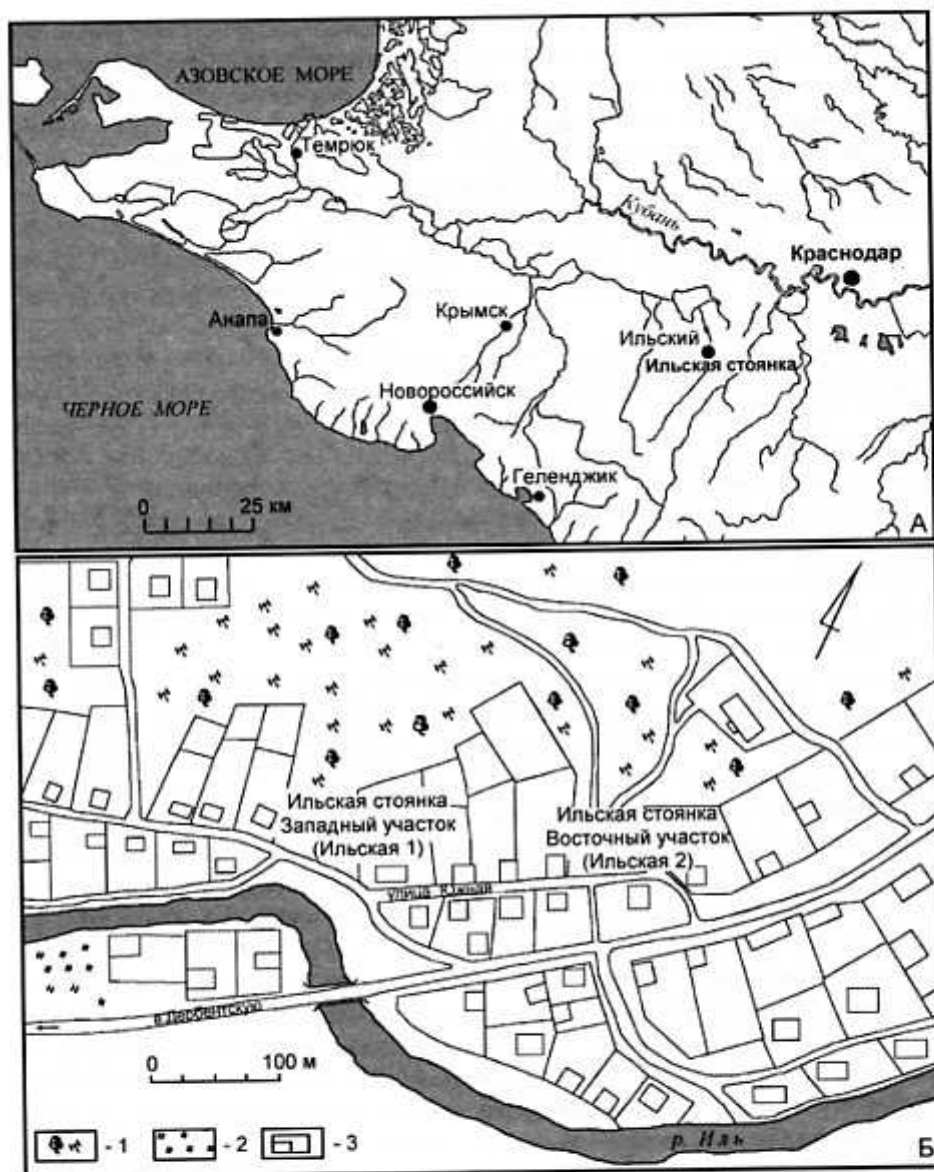


Рис. 1. Расположение Ильской мусьеьской стоянки: А — карта Северо-Западного Кавказа; Б — схематический план южной окраины пос. Ильского, местоположение Ильской стоянки: 1 — деревья и кустарники; 2 — луг; 3 — усадьбы

Первое описание стратиграфии стоянки было сделано С. Н. Замятинным в 1928 г., когда в раскопках принял участие почвовед С. А. Захаров из Краснодара. Было установлено, что стоянка располагается на 12–15-метровой террасе, отложения которой включают в себя (сверху вниз): 1) бурый суглинок; 2) ископаемую почву; 3) палевый суглинок; 4) вторую (нижнюю) ископаемую почву; 5) серо-зеленую глинистую су-

песь. При этом культурный слой стоянки связывался с нижней ископаемой почвой, по определению С. А. Захарова, аллювиально-болотного типа, развитой на серо-зеленой глинистой супеси. В. И. Громов, на которого ссылается С. Н. Замятнин, полагал, что самая низкая 5–6-метровая терраса р. Иль имеет вюрмский возраст, а более высокая терраса является рисской. Поскольку культурные остатки залегают в ископаемой почве, сформированной на аллювии этой террасы, то возраст стоянки не может быть древнее конца рисс-вюрмского межледникового. Позднее В. И. Громов высказал мнение, что стоянка «соответствует по времени началу аккумуляции аллювиальной толщи вюрмской террасы и, таким образом, датируется началом вюрма» (Замятнин 1934: 209–210).

В. А. Городцов, работавший в Ильской позже, тоже относил террасу со стоянкой к риссу. Он приводит более дробную стратиграфию стоянки (сверху вниз):

1.	Чернозем. Нижний край его выражен неясно .....	0,65–0,7 м
2.	Буровато-желтый суглинок .....	0,2–0,3 м
3.	Серый мергельный суглинок.....	0,55–0,7 м
4.	Темно-бурый суглинок .....	0,75 м
5.	Черная почва с нефтяными сгустками и натсками .....	0,55 м
6.	Темно-серая речная супесь .....	больше 1 м

Каменные изделия и обломки костей животных были встречены на глубине 1 м, 1,25 м, 2,95 м и 3 м. Последняя отметка соответствовала поверхности темно-серой супеси, залегающей под ископаемой почвой. Иначе говоря, культурные остатки были встречены почти во всей толще вскрытых отложений. Разрез отложений, описанный В. А. Городцовым, отличается от разреза, представленного С. Н. Замятниным. При этом отмечалась только одна ископаемая почва, залегавшая на аллювии. Другой, более молодой ископаемый почвенный горизонт, о котором писал С. Н. Замятнин, ссылаясь на почвовед С. А. Захарова, в раскопках В. А. Городцова отсутствовал (Городцов 1941: 12). Вместе с тем исследователь выделил два новых литологических слоя: темно-бурый суглинок, перекрывавший ископаемую почву, и залегавший на нем серый мергельный суглинок или серый делювиальный мергель. Интересно, что в начале раскопок В. А. Городцов, вслед за С. Н. Замятниным, указывал на наличие на стоянке только одного культурного слоя. Этот слой он связывал с ископаемой почвой (Там же: 11). Что касается каменных изделий и костей животных, обнаруженных выше ископаемой почвы в трех слоях делювия (в буровато-желтом суглинке, в слое серого мергеля и в темно-буром суглинке), то они, по мнению исследователя, залежали во вторичном положении. Первоначально он полагал, что эти находки были снесены делювиальными процессами вниз по склону откуда-то сверху, где находилась ископаемая почва с культурными остатками. Не исключалось также, что находки могли происходить из разрушившихся скальных навесов, располагавшихся выше стоянки и служивших палеолитическому человеку убежищем от непогоды. Поэтому культурные остатки из ископаемой почвы и делювия сначала рассматривались В. А. Городцовым как один комплекс. Позднее он пишет о наличии на стоянке по меньшей мере трех культурных слоев. Древнейший из них (нижний слой) связан с ископаемой поч-

вой, а более поздние залегают в делювии: один (средний слой) — в темно-буром суглинке, другой (верхний слой) — в сером мергельном слое. При этом подчеркивалось, что культурные остатки в этих последних слоях залегают не во вторичном положении, как казалось ему раньше, а *in situ*, т. е. эти культурные слои были совершенно самостоятельными и не имели никакого отношения к нижнему культурному слою. Выше по разрезу в желтовато-буром суглинке находки также встречались, но были довольно редкими. Палеолитические люди, по мнению В. А. Городцова, посещали место стоянки многократно во время рисс-вюрмского межледникового (нижний культурный слой) и последующего вюрмского оледенения (средний и верхний культурные слои) (Городцов 1940: 90).

Фауна Ильской стоянки из раскопок С. Н. Замятнина и В. А. Городцова исследовалась неоднократно, но во всех случаях она не разделялась по слоям. Первоначально ее изучила В. И. Громова. Она первой обратила внимание на то, что среди останков животных доминируют кости бизонов. Причем кости представляют не все части их скелета. В большом количестве имелись обломки трубчатых костей (особенно задних ног), фаланги и челюсти с зубами, а также отдельные зубы. Ребра, напротив, почти отсутствовали. Позвонки встречались в незначительном количестве и в основном были обнаружены шейные и задние позвонки. Это свидетельствует о том, что на стоянку с мест охоты приносили чаще всего ноги, как наиболее мясные части туш, и черепа убитых животных (Громова 1932: 309). Мамонты стоянки были отнесены к виду *primigenius*. По костным остаткам были определены три особи: две совсем молодые и одна почти взрослая. В. И. Громова пришла к выводу, что фауна Ильской стоянки является фрагментом богатой более ранней теплолюбивой интергляциальной фауны, которая во время первой половины рисс-вюрмской эпохи обитала в Восточной Европе и Северной Азии. При этом ильская фауна носит смешанный характер, так как в ней присутствуют элементы как степной, так и горно-лесной фауны. По мнению В. И. Громовой, климатические условия во время существования стоянки были во многом такими же, как в настоящее время, что подтверждает геологическую датировку памятника. При этом она ссылалась на доклад авторитетного в свое время геолога Г. Ф. Мирчинка, сделанный им 23.03.1929 г. на заседании Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, в котором он датировал Ильскую стоянку концом последнего интергляциала или самым началом последующего за ним оледенения (Там же: 336–338).

Некоторые коррективы в общую характеристику ильской фауны были внесены Н. К. Верещагиным. Особенно интересны результаты его изучения кусков асфальта (битума), прилипшего к костям бизонов. После растворения битума бензином были найдены остатки кавказской мышовки (*Sicista cf. caucasica*), мелкой змеи, жуков и травянистых растений. Анализ остатков растений, извлеченных из битума, позволил М. Г. Кипиани определить до 20 видов травянистых растений, характерных для группировки выгравного склона. Остатки насекомых были изучены А. В. Богачевым, определившим 18 жуков, муравья и осу. Все эти остатки, как полагал Н. К. Верещагин, говорят о какой-то фазе сильного потепления климата и остепнении предгорий Кавказа (Верещагин 1959: 96–97).

Важные сведения о стратиграфии и возрасте Ильской стоянки были получены Н. Д. Прасловым. Материалы его раскопок, к сожалению, не опубликованы. После

первого года раскопок исследователь указывал на наличие на стоянке двух культурных слоев. Нижний культурный слой был приурочен к ископаемой почве, а верхний залегал на глубине от 2 до 3 м от современной поверхности в серо-зеленоватой плотной мозаичной глине (Праслов 1964: 76). При этом геолог М. Н. Грищенко, побывавший на раскопках, указал на связь стоянки не со второй, а с более древней третьей надпойменной террасой р. Иль высотой 17–20 м (Грищенко 1965: 154). К такому же выводу пришел несколько позднее и В. М. Муратов. По его мнению, культурные слои стоянки залегают в 5-метровой толще делювиальных глин и тяжелых суглинков, отличающихся сильной оглеенностью, что говорит о формировании их в условиях значительной обводненности. Вся толща склоновых отложений с культурными остатками перекрывает третью надпойменную террасу, которая соответствует по времени раннекараиугатской (рисс-вюрмской) морской террасе Черноморского побережья Кавказа. Поэтому возраст памятника определялся им как вюрмский, ранневюрмский (Муратов 1969: 34). Сходным образом думала И. К. Иванова. По ее мнению, положение Ильской стоянки в нижней части покровных отложений низкой террасы близко по положению мустьерским стоянкам в Приднестровье, поэтому наиболее вероятный возраст этой стоянки — вюрмский (валдайский). Тем более, что он подтверждается радиоуглеродными определениями —  $37200 \pm 1800$  и  $40800 \pm 1200$  (Ле), полученными по костям бизона (Иванова 1982: 395).

Последующими раскопками 1967–1969 гг. было установлено, что делювиальные отложения на стоянке неоднородные и очень изменчивые по цвету и структуре, так как накапливались в условиях интенсивного размыва крутого берегового склона, возвышающегося над стоянкой. В этих отложениях были выявлены два слабо выраженных почвенных горизонта. Один из них (верхний) располагался в желтовато-буром суглинке, второй — под этим суглинком, причем отделялся от него отчетливой линией размыва (Праслов, Муратов 1970: 84; Праслов 1984: 32). Тем не менее, несмотря на такое, казалось бы, ясное деление разреза, исследователь говорит о невозможности выделения в толще делювия четких литологических слоев. Поэтому раскопки стоянки он проводил условными раскопочными горизонтами толщиной примерно по 15 см, не эквивалентными стратиграфическим уровням. Всего таких горизонтов оказалось 12. Верхний (первый) условный горизонт с культурными остатками располагался на глубине 1,7 м от современной поверхности и был приурочен к ископаемому почвенному горизонту. От второго горизонта с находками его отделяла стерильная прослойка толщиной 50 см. Самый нижний, двенадцатый горизонт совпадал с нижней ископаемой почвой, пропитанной нефтью, и находился на глубине около 5 м. Именно в этом горизонте культурные остатки, по мнению исследователя, залегали *in situ* и образовывали истинный культурный слой. При этом ископаемую почву, содержащую этот культурный слой, Н. Д. Праслов относил к последнему интергляциалу (рисс-вюрму) на том основании, что эта почва располагается в кровле аллювия третьей террасы, хорошо развита и содержит теплолюбивую фауну насекомых, о которой писал Н. К. Верещагин (Праслов 1984: 32). Культурные остатки, залегавшие в делювии над нижней ископаемой почвой, по мнению Н. Д. Праслова и В. М. Муратова, были частично смещены и вся толща, включавшая их, существенно деформирована (Праслов, Муратов 1970: 84–85).

Таким образом, раскопками В. А. Городцова и Н. Д. Праслова было твердо установлено, что Ильская стоянка является многослойным памятником. При этом ее культурные слои залегают в отложениях делювиального генезиса, перекрывающих третью (вишатскую, по С. А. Несмеянову) надпойменную террасу р. Иль, аллювий которой многими исследователями сопоставляется с раннекарангатскими отложениями Черноморского побережья и относится к последнему (микулинскому, эемскому, ресс-вюрмскому) межледниковью или, по современным представлениям, к кислородно-изотопной стадии 5e (Муратов 1969: 35; Праслов, Муратов 1970: 84; Чепалыга и др. 1989: 113–120; Несмеянов 1999: 96, 176–181). Нижний культурный слой стоянки связан с нижней погребенной почвой, развитой на аллювиальной супеси террасы и, следовательно, может быть датирован в интервале от микулино до первого интерстадиала валдайского (вюрмского) оледенения (изотопные стадии 5e–c). Верхние культурные слои стоянки были лишь зафиксированы, но возраст их не установлен.

Большим пробелом отмеченных выше исследований является то, что раскопки прекращались после разборки культурного слоя в нижней погребенной почве. Залегающие под ней аллювиальные отложения террасы практически не вскрывались и не исследовались. Например, С. Н. Замятнин лишь вскользь упоминает, что основу террасы со стоянкой образует серо-зеленая глинистая супесь и именно на ней залегают нижняя ископаемая почва с культурным слоем (Замятнин 1934: 209). В. А. Городцов эту супесь характеризовал как темно-серую и считал, что она составляет верхнюю часть аллювия террасы (Городцов 1941: 11). В. М. Муратов в 1967 г. пытался выяснить характер аллювия террасы с помощью ручного бура, но ограничился лишь упоминанием, что кровля его находится на высоте 10,5 м над рекой (Муратов 1969: 35).

В 2003 г. с помощью шурфов были получены дополнительные сведения об аллювиальных отложениях, подстилающих нижний культурный слой стоянки. При этом, чтобы не затронуть культурные слои, шурфы были поставлены ниже раскопа Н. Д. Праслова, в том месте, где находились траншеи и раскоп С. Н. Замятнина 1926 и 1928 гг. Ставя шурфы, я исходил из того, что исследователь, раскопав культурный слой, не слишком сильно углублялся в нижележащие речные осадки и существенно не нарушил их. Это полностью подтвердилось. Большую часть разрезов шурфов составила именно засыпка и отвалы старых раскопов, а под ними залежали мало затронутые раскопками аллювиальные отложения, оказавшиеся не совсем такими, как их описывали. В результате было установлено, что на месте стоянки имеется два разновременных комплекса аллювиальных отложений, располагающихся на разной высоте и принадлежащих самостоятельным речным террасам. Верхний из них (третья надпойменная терраса) состоит из серого песка и коричневато-желтой супеси. Именно на ней развита гидроморфная погребенная почва, содержащая нижний культурный слой стоянки. Более молодой аллювиальный комплекс представлен как русловыми, так и пойменными отложениями и, очевидно, принадлежит к наиболее поздней плейстоценовой второй надпойменной террасе р. Иль (майкопской, по С. А. Несмеянову). Аллювиальные отложения этих террас сближены и располагаются на высоте приблизительно 12–13,5 м над рекой. Цоколи террас не удалось зафиксировать. Сами террасы довольно плохо выражены в рельефе, так как перекрыты делювиальными отложениями различной мощности. Относительная высота третьей надпойменной терра-



сы составляет 17–20 м, а второй надпойменной террасы — 10–14 м над уровнем реки. Культурных остатков в аллювиальных отложениях той и другой террас не встречено. Вместе с тем интересна находка кости мамонта в песчаном слое более низкой из этих террас.

В целом такая же, но более четкая стратиграфия была установлена и на восточном участке стоянки (Ильская 2), расположенном в 170 м к востоку и ниже по реке от места прежних раскопок (западный участок или Ильская 1; рис. 1, Б). Восточный участок стоянки был открыт нами в 1979 г. и раскапывался в течение нескольких полевых сезонов (Щелинский 1980: 130; 1982: 356–357; 1985: 377–379; 1993: 7–10; 2005: 309–316). На этом участке хорошо сохранилась целая серия мустьерских культурных слоев. При этом здесь, в отличие от западного участка стоянки, они залегают не только в покровных делювиальных отложениях, но и в аллювиальных отложениях третьей (вюшатской) надпойменной террасы р. Иль. Наиболее полный разрез отложений этой террасы был выявлен в раскопе 1, расположенном на высоте около 17 м над руслом реки. В нем сверху вниз была зафиксирована следующая последовательность слоев (рис. 2):

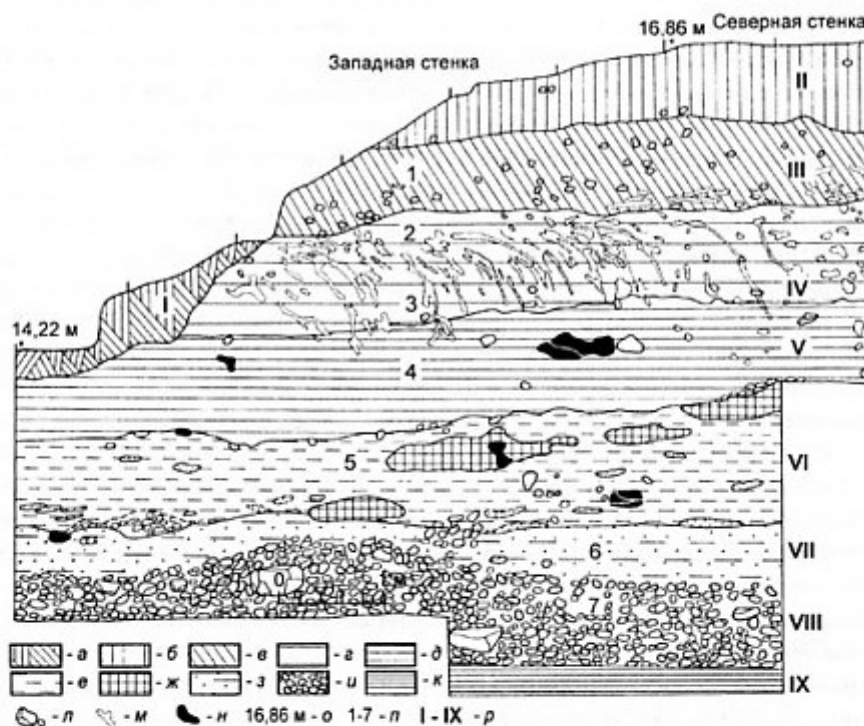


Рис. 2. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, разрез отложений по западной и северной стенкам: а — насыщенный грунт; б — черноземный слой современной почвы; в — желтовато-коричневый суглинок; г — коричневатая-серая глина; д — голубовато-серая глина; е — бурая глинистая супесь; ж — линзы твердого битума; з — синевато-серый глинистый песок; и — галечник; к — синевато-серая глина палеогенового возраста; л — камни, щебень; м — карбонатные включения; н — кости; о — нивелировочные отметки поверхности относительно русла реки; п — культурные слои; р — литологические слои

- I. Осыпь
- II. Черноземный слой современной почвы. Суглинок гумусированный, темно-серый и черный, у основания — коричневый, тяжелый, комковатый, с редкой оглаженной щебенкой и единичными глыбами доломитов. Контакт с нижележащим слоем отчетливый, извилистых и изломанных очертаний ..... 0,5–0,8 м
- III. Суглинок желтовато-коричневый, внизу сероватый, тяжелый с многочисленной (местами от 10–15 до 30 %) мелкой (0,5–2 см) и более крупной оглаженной щебенкой и единичными глыбами доломитов; обломочный материал распределяется неравномерно небольшими скоплениями с неясными очертаниями, обломки залегают хаотично, часто на узких гранях; повсеместно, особенно в средней и нижней частях слоя, много вкрапленных и мелких (1–2 см) комочков извести. Контакт с нижележащим слоем отчетливый, волнистых очертаний, местами с размывом ..... 0,55–0,9 м
- IV. Глина коричневатая-серая с синеватым оттенком, в верхней части более темная, вероятно, гумусированная, в нижней — светлая, сильно обызвествленная, заметно ожелезненная, плотная, оскольчатой структуры (при высыхании покрывается сеткой трещин), с небольшим содержанием (5–10 %) щебенки и единичными глыбами доломитов; содержит многочисленные включения извести светло-серого цвета, вверху рыхлые, в средней и нижней частях слоя — окаменевшие; карбонаты образуют ветвистые прожилки, утолщающиеся до 5–6 см вниз по разрезу; в верхней части слоя эти прожилки извести почти горизонтальные, а ниже по разрезу они загнуты вниз по склону, что указывает на сползание глин; ожелезненность слоя в основном мелкопятнистая. Переход к нижележащему слою постепенный ..... 0,8–1,2 м
- V. Глина голубовато-серая (сизая), ожелезненная, без обломочного материала, плотная, оскольчатой структуры, с небольшим количеством карбонатов; последние преимущественно в виде твердых стяжений и кристаллов кальцита; ожелезненность характерна для нижней половины слоя, где образует широкие горизонтальные и косо наклонные полосы ярко-ржавой окраски. Контакт с нижележащим слоем отчетливый ..... 0,7–1,0 м
- VI. Супесь бурая, глинистая, очень плотная, в верхней части местами серая и темно-серая, гумусированная, а ниже более рыхлая и слоистая, содержит многочисленные бесформенные конкреции и прослойки прочных окаменевших карбонатов, а также вкрапления высохшей нефти и отдельные крупные линзы твердого, как асфальт, битума. Нижний контакт постепенный ..... 0,5–1,3 м
- VII. Песок синевато-серый, глинистый, рыхлый, слоистый, с прослойками и линзами галечно-гравийного материала, сильно пахнет нефтью ..... 0,5 м
- VIII. Галечник, обогащенный слабо окатанным и неокатанным щебнем и глыбами доломитов с синевато-бурым песчано-глинистым заполнителем, пропитан нефтью; гальки хорошо окатанные, мелкие и средние, единичные достигают 15–20 см в поперечнике, в основном из песчаников, часто выветренные и режутся ножом; имеются также мелкие гальки из лидита, кварца и других кремнистых пород. Контакт с нижележащим слоем отчетливый ..... 0,8–1,0 м
- IX. Глина темная, синевато-серая палеогенового возраста.  
Цоколь террасы

В описанном разрезе представлены две генетически различные пачки отложений террасы: делювиальная (слои II–V) и аллювиальная (слои VI–VIII). Аллювий представлен русловым галечником и пойменным песком и супесью. Высота его над современным руслом реки составляет 13,5 м. Выявлен и цоколь террасы, располагающийся на относительной отметке 11 м. Совершенно очевидно, что перед нами та же 17–20-метровая третья надпойменная терраса, которая была описана на западном участке стоянки. Галечный слой разреза обогащен слабо преобразованным водой коллювиальным обломочным материалом, что связано с близостью коренного склона долины. В пойменной глинистой супеси (слой VI) также встречается мелкий слабо окатанный обломочный материал. Сверху эта супесь гумусированная, т. е. подверглась процессам почвообразования до того, как была перекрыта склоновыми отложениями. К тому же в древности она была пропитана нефтью и содержит линзы битума. Интересно, что в данном разрезе нет по-настоящему выраженной ископаемой почвы, имеющейся в кровле аллювия на западном участке стоянки, что, по-видимому, связано с фациальными условиями осадконакопления. На западном участке погребенная почва сформировалась в условиях заболоченности на поверхности аллювия, тогда как на восточном участке такие условия, надо полагать, отсутствовали. Делювиальные отложения, перекрывающие аллювий террасы, разделяются на две части: нижнюю (слои IV–V) и верхнюю (слои II–III). Между ними имеется отчетливый перерыв в осадконакоплении и явный размыв верхней части слоя IV. Нижняя часть делювиальной пачки отложений исключительно глинистая, содержит незначительное количество щебня и окрашена в «холодный» цвет. Это может свидетельствовать о наличии обильной растительности на склонах, замедлявшей эрозионные процессы, и на влажный и прохладный климат времени накопления глин. Глина слоя IV обогащена известью, заполнившей трещины усыхания, что может указывать на засушливый климат, наступивший после формирования глинистой толщи. Обращает на себя внимание, что вверху эта глина заметно темнее, чем ниже по разрезу, и, по-видимому, гумусированная. Можно предполагать, что это остатки размывтой склоновой эрозией интерстадиальной почвы. Верхняя часть делювиальной пачки отложений (слои II и III), отделенная от нижней части линией размыва, иная. Она представлена тяжелыми суглинками с большим количеством грубого обломочного материала. Не вызывает сомнений, что эти отложения, на которых впоследствии образовалась мощная современная почва (слой II), накапливались в условиях активных эрозионных процессов, вызванных, как можно думать, холодным климатом при неразвитой растительности на склонах долины.

Эти суждения о вероятных условиях формирования геологических слоев на стоянке в целом согласуются с данными палинологических исследований, выполненных в 1982 г. Е. А. Романовой. Исследована верхняя часть разреза (до слоя VI включительно). Всего прослежено 9 спорово-пыльцевых комплексов. Палинологические исследования указывают на неоднократные изменения состава растительности во время накопления толщи отложений на стоянке, что, очевидно, было связано с колебаниями климата. При этом климат был в целом холоднее современного. В течение всего отрезка верхнего плейстоцена, представленного в изученной части разреза, растительность имела лесостепной характер с периодическим преобладанием то лес-

ного, то степного ландшафта. Подтверждается, что литологический слой VI формировался в достаточно теплых условиях. Выше по разрезу выявляется чередование спорово-пыльцевых спектров стадийного и интерстадийного характера (верх литологического слоя IV) на фоне усиливавшегося общего похолодания климата.

В описанной толще отложений выделено семь мустьерских культурных слоев, связанных литологически различными слоями. Три нижних культурных слоя (слои 5–7) залегают в отложениях водного происхождения, в аллювии террасы. Казалось бы, в таких отложениях эти культурные слои должны были быть полностью разрушены рекой. Однако они сохранились и только в незначительной степени были повреждены водой. Нет сомнений, что оставившие их мустьерские охотники жили близко у воды на низкой периодически подтопляемой древней пойме и непосредственно на песчано-галечном пляже реки. Самый древний 7-й культурный слой располагается в занефтяванном в древности русловом галечнике террасы (литологический слой VIII), а 6-й культурный слой залегают на 50–60 см выше 7-го слоя и связан с сине-серым глинистым речным песком, также пропитанным нефтью (литологический слой VII). Пачку культурных слоев, сформировавшихся в аллювиальных отложениях речной террасы, завершает 5-й культурный слой. Он лежит в верхней части бурой гумусированной и отчасти занефтяванной супеси, слагающей древнюю пойму реки (литологический слой VI).

Другие культурные слои (1–4) залегают в склоновых делювиальных глинах и суглинках, перекрывающих аллювиальные отложения древней террасы. В самой нижней части делювиальной толщи находится 4-й культурный слой, связанный с плотной голубовато-серой (сизой) глиной (литологический слой V), 3-й культурный слой располагается выше в нижней половине слоя коричневатого-серой глины, насыщенной рыхлыми карбонатами (литологический слой IV), а 2-й культурный слой связан с той же самой глиной, но с верхней, более темной ее половиной (размытая ископаемая почва?). Наконец, 1-й культурный слой находится в самой верхней части делювиальной толщи, образованной желтовато-коричневым суглинком, насыщенным грубым обломочным материалом (литологический слой III).

Важная информация о стратиграфии стоянки была получена в раскопе 2, поставленном в 6 м ниже по склону от раскопа 1 на поверхности, как предполагалось, второй (майкопской) надпойменной террасы, хорошо выраженной в рельефе. Раскопки это подтвердили (рис. 3). При этом оказалось, что в этом раскопе представлен не только весь комплекс делювиально-аллювиальных отложений второй надпойменной террасы (литологические слои I–VI), но и частично отложения третьей надпойменной террасы (литологические слои VII–IX), описанные в раскопе 1 (литологические слои VII–IX раскопа 2 соответствуют литологическим слоям VI–VIII раскопа 1). Как и в раскопе 1, к этим слоям приурочены наиболее древние культурные слои стоянки (5–7). Таким образом, в раскопе 2 отложения второй надпойменной террасы как бы вложены в нижнюю часть отложений третьей надпойменной террасы. Надо сказать, что раскоп 2 является не единственным местом на территории стоянки, где установлены аллювиальные отложения второй террасы, с размывом налегающие на отложения третьей террасы. При этом показательно, что, например, в шурфах 3 и 4, расположенных западнее раскопа 2, в аллювии второй террасы най-

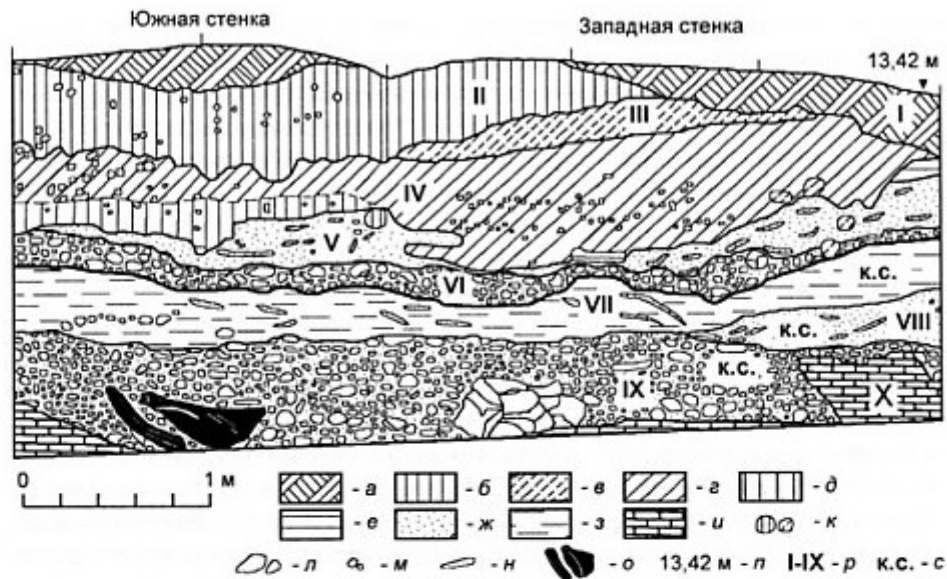


Рис. 3. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 2, разрез отложений по западной и южной стенкам: а — насыпная земля; б — черноземный слой современной почвы; в — суглинок серовато-желтый; г — суглинок коричневатого-серый; д — суглинок коричневатого-темно-серый; е — глина серо-желтая; ж — песок серовато-белый; з — супесь бурая; и — коренные породы палеогенового возраста; к — кротовины; л — камни; м — щебень; н — линзы супесчано-глинистого материала; о — кости; п — нивелировочная отметка; р — литологические слои; с — культурные слои

дены единичные кости млекопитающих и каменные изделия, очевидно, перетолженные из культурных слоев, находящихся в отложениях третьей террасы.

Совокупность приведенных выше данных свидетельствует о том, что Ильская мустьерская стоянка заселялась первобытными охотниками многократно на протяжении весьма длительного промежутка времени. Ее нижние культурные слои (слои 5–7 восточного участка) залегают в аллювиальных отложениях третьей надпойменной террасы, синхронных последнему (земскому или микулинскому) межледниковью (Щелинский 1985: 377–379; Ščelinskij 1998: 131–161), и на этом основании достаточно уверенно могут быть датированы стадией 5e кислородно-изотопной шкалы, возраст которой определяется в пределах 128–115 тыс. л. н. (Jöris 2001: 21–22; 2004: 68; Bosinski 2000–2001: 109). Этим же временем, скорее всего, датируется и нижний культурный слой западного участка стоянки. Павлиа, Г. Ф. Барышников и Дж. Хоффекер считают, что он моложе, так как в нем обнаружены остатки весьма крупных особей хищников (гиена и медведь), что не характерно для интергляциала, и датируют его в пределах стадий 5d–5a или даже стадией 4. К стадии 5e они относят лишь слой 7 на восточном участке стоянки, в котором в большом количестве представлена ранняя форма мамонта *Mammuthus cf. chosaricus* (Hoffecker, Baryshnikov, Potarova 1991: 117; Baryshnikov, Hoffecker 1994: 3, 8). Культурные слои стоянки, залегающие в делювиальных отложениях (слои 1–4 восточного участка), сформирова-

лись в начале вюрма (валдая). При этом следует учесть отсутствие сколько-нибудь заметного перерыва между завершением аккумуляции аллювия и началом накопления делювиальных отложений на террасе, включающих культурные слои, равно как и постепенный характер осадконакопления делювия в нижней части разреза. Четкий перерыв в осадконакоплении фиксируется лишь в верхней части разреза между литологическими слоями III и IV. Этот перерыв связан с размывом верхней части литологического слоя IV и развитой на нем ископаемой почвы (сохранились ее остатки), соответствующей, вероятно, интерстадиалу оддерале. Исходя из этого, культурные слои 3–4 синхронизируются со стадиями 5b–5d (115–83 тыс. л. н.), а культурный слой 2 — с интерстадиалом оддерале (стадия 5a — 83–72 тыс. л. н.). Поверх этого культурного слоя в разрезе хорошо выражен перерыв в осадконакоплении, что является важным показателем существенного изменения климатических условий на последнем этапе существования стоянки. Очевидно, климат стал сухим и холодным. На склонах долины р. Иль было мало растительности, при этом уровень реки сильно понизился (врез и углубление русла, предшествующее накоплению аллювия второй надпойменной террасы), что привело к бурному развитию склоновой эрозии и образованию на террасах тяжелых суглинков с большим количеством щебня из местных пород. Именно в таких условиях происходило формирование самого позднего, 1-го культурного слоя стоянки, залегающего в щебнистом суглинке литологического слоя III. Следовательно, этот культурный слой вполне допустимо коррелировать с первым холодным максимумом валдайского оледенения (стадия 4 — 72–57 тыс. л. н.) или началом стадии 3.

Культурная атрибуция Ильской стоянки довольно противоречива. В значительной мере это связано с тем, что долгое время ее археологический материал не расчленили по слоям и рассматривали в целом как один комплекс. Однако общая специфика инвентаря стоянки была замечена еще С. Н. Замятинным. Он определил его как мустьерский, но с некоторыми оригинальными чертами. При этом имелось в виду, прежде всего, наличие орудий, обработанных с обеих сторон, а также их небольшие размеры (рис. 4–7). В этой связи он писал: «Если мы станем рассматривать индустрию Ильской в целом с ее массивными двусторонне обработанными мелкими ручными рубилами, то мы сразу же можем поместить этот материал в особую группу местонахождений восточного мустье и сблизать его с типами микока». И далее: «Площадь распространения этой культуры включает в себя Германию, Австрию, Моравию, Польшу, Венгрию и Трансильванию, и продолжается с Ильской, через Украину и Юг России, до Крыма и Северного Кавказа. Причем все эти местонахождения, расположенные на обширном пространстве, никоим образом не синхронны, они принадлежат разным фазам мустье. Ильскую стоянку можно рассматривать как характерную для развитого восточного мустье» (Zamiatnine 1929: 293). Большинство исследователей в те годы согласилось с предложенной С. Н. Замятинным культурной интерпретацией стоянки. Различия во взглядах были небольшими и касались главным образом определения ее археологического возраста. Так, Г. А. Бонч-Осмоловский и Н. Л. Эрнет, работавшие со сходными крымскими материалами, относили Ильскую стоянку к более раннему времени — к концу ашеля. Основанием для такой датировки для них было наличие на стоянке двусторонне обработанных изделий, яв-

ляющихся, по их мнению, хронологическим показателем. Ближайшие аналогии Ильской они, как и С. Н. Замятнин, видели в среднепалеолитических стоянках типа ля Микок, расположенных не только в Крыму, но также в Польше, Германии и Франции (Бонч-Осмоловский 1934: 142; Эрст 1934: 203, 206). Позднее появились и другие точки зрения. Например, П. П. Ефименко относил Ильскую стоянку к позднему мустье восточного типа, основываясь на присутствии в ней двусторонне обработанных острий и значительного набора позднепалеолитических форм орудий, а также довольно сложной структуры культурного слоя, выявленной раскопками В. А. Городцова в 1930-е гг. (Ефименко 1953: 207). Этой точки зрения придерживались и другие исследователи. В частности, А. А. Формозов полагал, что Ильская стоянка относится к концу мустьерской эпохи, и обращал внимание на наличие в ее инвентаре тонких уплощенных двусторонне обработанных орудий, узких остроконечников, асимметричных остриев, близких остриям типа шательперрон, а также скребков и резцов. Изящный треугольный наконечник с обработанным основанием, имеющийся среди орудий стоянки (рис. 6, 4), он, вслед за А. Н. Рогачевым (1957), считал непосредственным предшественником треугольных наконечников из ранних верхнепалеолитических стоянок Русской равнины (Стрелецкая; Костенки I, нижний слой; Костенки 12 и Сунгирь). Вместе с тем, по его мнению, Ильская является типичным памятником мустье с ашельской традицией (Формозов 1965: 33–39). Довольно поздним временем (концом раннего вюрма) датирует Ильскую стоянку Г. Бозински. В качестве наиболее характерных форм изделий в индустрии стоянки он видит двусторонне обработанные изделия, в том числе орудия асимметричной формы, и особенно листовидные острия. Последние, с его точки зрения, вполне согласуются с преобладанием на стоянке костей бизонов (Bosinski 1967: 60–61). Ильскую стоянку он выделил в особый тип инвентаря, который вместе с селетом и альтмюльской группой (Altmühlgruppe) на периферии Центральной Европы составляют комплекс стоянок с листовидными наконечниками. При этом предполагается, что этот комплекс с листовидными наконечниками является результатом развития микока и следует по времени непосредственно за ним (Ibid.: 83). Напротив, М. Габори, изучавший материалы Ильской стоянки несколько позже, считал ее типично микоцким (восточномикоцким) памятником и датировал стоянку умеренной фазой раннего вюрма — брерупом (Gábori 1976: 137).

Инвентарь Ильской стоянки из раскопок С. Н. Замятнина и В. А. Городцова в той или иной степени изучали и интерпретировали и другие исследователи. Так, В. П. Любин при оценке инвентаря стоянки в целом сначала видел в ней памятник типичного мустье, хотя и с шарантским компонентом и примесью мустье пантийского типа (Любин 1977: 197). Позднее он примкнул к общепринятой точке зрения и отнес ее к микоку (Любин 1994: 160). На принадлежность Ильской стоянки к восточноевропейскому микоку указывает также Л. В. Голованова. По ее мнению, Ильской особенно близка на Северо-Западном Кавказе Мезмайская пещера (слои 3 и 2Б-4), расположенная высоко в горах в верховьях р. Курджипс на краю Лагонакского плато (Голованова 1993: 25). Предполагается, что эти памятники синхронны и могут быть датированы первой половиной среднего вюрма, хотя для Ильской не исключается и межстадиальный возраст в пределах раннего вюрма (Голованова, Дороничев 2003: 10).

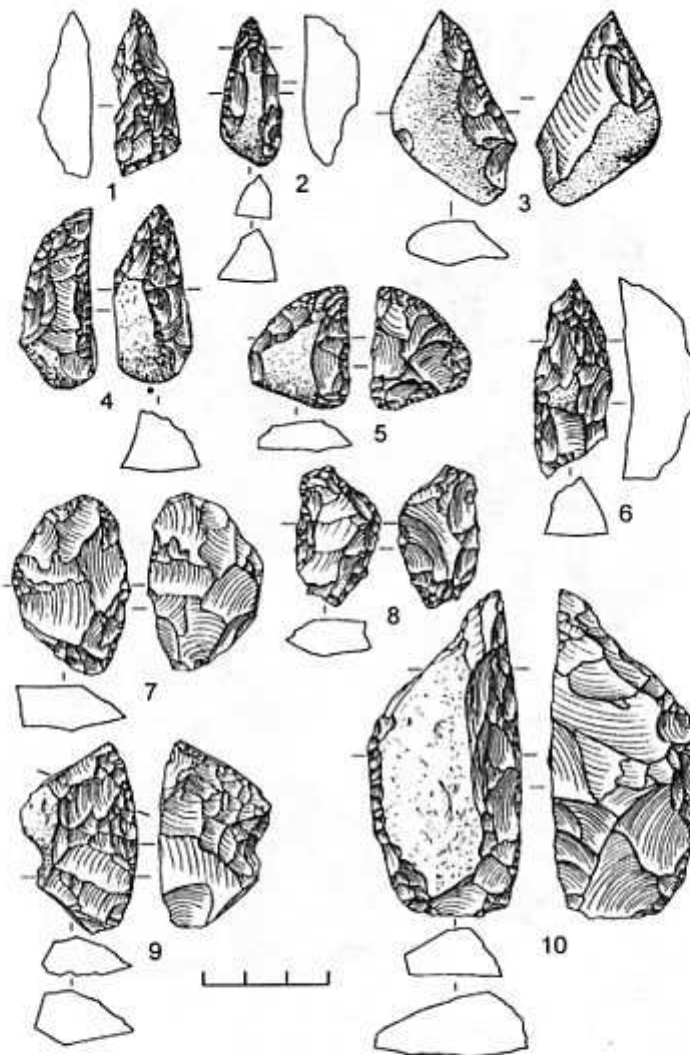


Рис. 4. Ильская стоянка, западный участок (раскопки С. Н. Замятнина и В. А. Гордцова), орудия из кремня (1, 4, 6–9), лидита (2, 3, 5) и окремненного алевrolита (10); 1, 2, 4, 6 — узкие толстые остроконечники с «гребешком»; 3, 8, 9 — однолезвийные кайльмессеры; 5, 7, 10 — двухлезвийные кайльмессеры

В конце 1960-х гг. представление об однослойности Ильской стоянки попытался изменить Н. К. Анисюткин. Он изучил коллекции находок из раскопок С. Н. Замятнина 1926 и 1928 гг., рассматриваемые как один комплекс, и находки В. А. Гордцова раздельно из нижнего и верхних слоев (в настоящее время коллекции В. А. Гордцова, хранящиеся в МАЭ РАН, смешаны). В результате технико-типологического анализа этих коллекций Н. К. Анисюткин пришел к выводу, что в верхних слоях, залегающих над основной ископаемой почвой, скребла среднепалеолитических типов и



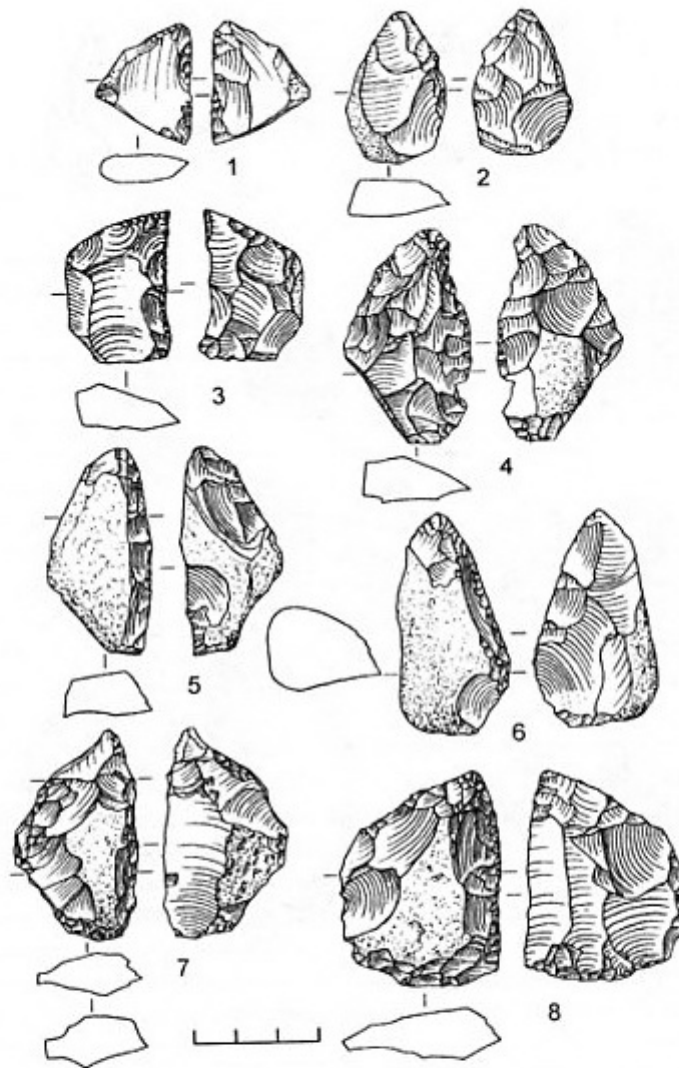


Рис. 5. Ильская стоянка, западный участок (раскопки С. Н. Замяткина и В. А. Городцова), кайльмессеры из кремня (1, 3, 4, 6–8) и литита (2, 5): 1–6, 8 — двухлезвийные; 7 — однолезвийный

двусторонне обработанные орудия довольно редкие. Вместе с тем в них хорошо представлены пластины и верхнепалеолитические формы орудий, а также леваллуазская техника расщепления камня, базировавшаяся на местном доломите. В нижнем слое, по его наблюдениям, эта техника выражена гораздо слабее. Здесь много скребел, часто массивных (преобладают простые с выпуклым лезвием и поперечные), в большом количестве имеются двусторонне обработанные орудия, главным образом скребла и остроконечники, в том числе и листовидные острия. При этом орудия верхнепалеолитических типов малочисленны и невыразительны. Однако технико-типологические

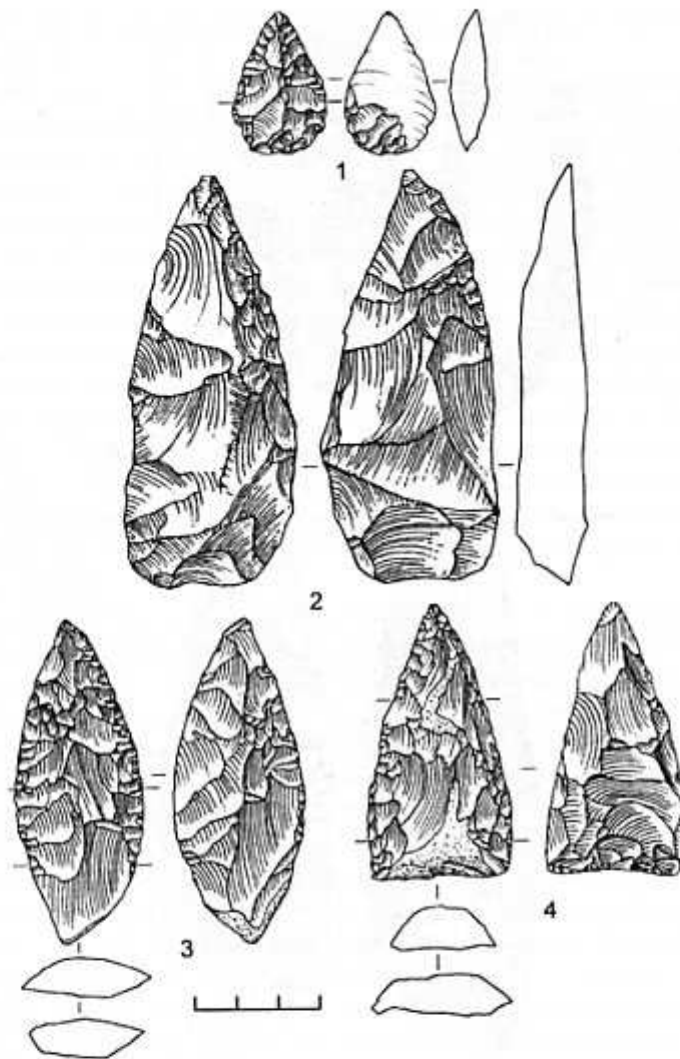


Рис. 6. Ильская стоянка, западный участок (раскопки С. Н. Замятина), наконечники из лидита (1, 3, 4) и доломита (2); 1, 3 — листовидные; 2, 4 — треугольные с обработанным основанием

различия инвентаря нижнего и верхних слоев, по Н. К. Анисюткину, носят количественный характер, так как в обоих слоях присутствует, хотя и в разных пропорциях, одинаковый набор признаков. Поэтому все слои стоянки Н. К. Анисюткин определил как одну мустьерскую культуру, развитие которой выразилось в «трансформации более примитивного инвентаря нижнего слоя в более совершенный инвентарь верхних слоев» (Анисюткин 1968: 118–125). Недавно Н. К. Анисюткин изменил свою точку зрения. Индустрию нижнего слоя стоянки он включает в круг шарантоидных индустрий юга Русской равнины, а материалы из верхних слоев (верхний комплекс,

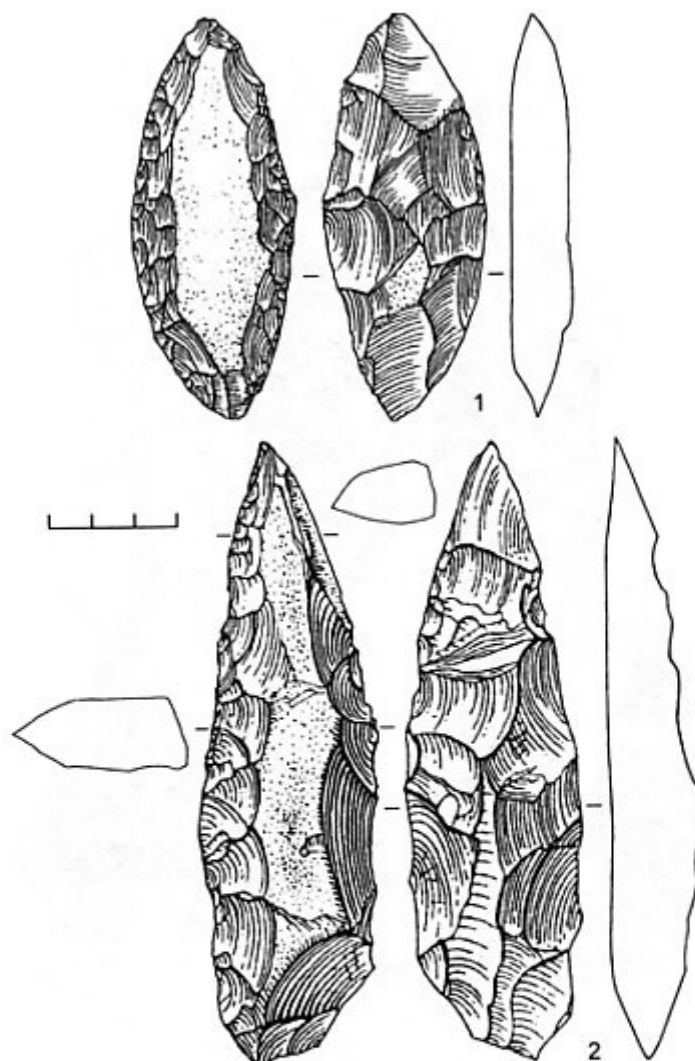


Рис. 7. Ильская стоянка, западный участок (раскопки С. Н. Замятина), орудия из доломита: 1 — листовидный наконечник; 2 — однолезвийный кайльmesser

по Н. К. Анисюткину) относит к «типичному мустье фации леваллуа с ослабленным «шарантским» компонентом, но более заметным верхнепалеолитическим» (Анисюткин 2007: 50–51).

Большой материал из раскопок Н. Д. Праслова 1963–1969 гг. практически не исследован. По предварительному заключению автора раскопок, этот материал в целом однороден. Например, двусторонне обработанные орудия, принимаемые за отличный признак индустрии стоянки, выявлены во всех раскопочных горизонтах. На этом основании он полагал, что Ильская стоянка представляет собой остатки

«одной мустьерской культуры, развивавшейся в пределах данного района» (Праслов, Муратов 1970: 84).

Наши раскопки на восточном участке стоянки по площади были небольшими. Тем не менее они позволили, как было показано выше, получить совершенно новые данные о стратиграфии стоянки и выявить на ней целую серию культурных слоев, залегающих в четких геологических условиях. В настоящее время проведено предварительное изучение этих слоев: получены палинологические характеристики и установлена структура слоев, определены фаунистические остатки и исследованы в первом приближении археологические коллекции каменных изделий. Фауна в культурных слоях оказалась в целом такой же, как на западном участке стоянки. Однако соотношение видов млекопитающих в слоях различно. Если в верхних слоях (2–3) преобладают кости степных бизонов (*Bison priscus*), то в нижних (4–7) — мамонтов раннего типа (*Mammuthus cf. chosaricus*) (Baryshnikov, Hoffecker 1994: 3). Т. е. фиксируется изменение в характере охотничьей деятельности обитателей стоянки. Сначала они были охотниками преимущественно на хозарских мамонтов, а затем меняют стратегию жизнеобеспечения и начинают охотиться главным образом на степных бизонов (Ščelinskij 1998: 131–161). Такое явление не наблюдается на других среднепалеолитических стоянках.

Новые материалы показывают, что в культурном отношении Ильская стоянка является довольно своеобразным памятником. Причем технико-типологическое своеобразие характерно для индустрий всех ее культурных слоев. В самом общем виде оно проявляется в том, что индустрии стоянки основывались на леваллуазской технологии первичного расщепления камня и, вследствие этого, содержат многочисленные орудия леваллуазского облика. Орудийный набор в них почти целиком состоит из односторонне обработанных орудий. Представлены и орудия с двусторонней обработкой. Однако эти орудия, во всяком случае, в культурных слоях восточного участка стоянки, единичные, несерийные и могут рассматриваться лишь как редкие специфические формы. Наличие этих признаков, очевидно, не позволяет однозначно относить Ильскую стоянку к ареалу микокских памятников. Индустрию стоянки в целом было бы правильнее определить как мустьерскую или леваллуа-мустьерскую с небольшим количеством двусторонне обработанных орудий (индустрия ильского типа). При этом некоторые технико-типологические особенности инвентаря отдельных культурных слоев стоянки отражают варибельность этой индустрии, обусловленную различными причинами.

Каменная индустрия Ильской стоянки основывалась и развивалась на довольно специфической сырьевой базе. На это обратил внимание еще первый исследователь стоянки С. Н. Замятнин. Он установил, что исходное сырье на стоянке было весьма разнообразным и различного качества. Для изготовления орудий использовали различные виды кремня, яшмовидные породы, роговики, кварцит, твердый песчаник и кремнистый доломит. При этом доломит был легко доступен человеку, так как широко развит непосредственно у стоянки. Однако это сырье, по мнению исследователя, хрупкое и мало подходило для изготовления орудий. На стоянке много доломитовых отщепов и пластин, нередко хорошо обработанных и крупных, но законченные орудия из этого сырья были исключением. Что касается более качественного недоломит-

тового сырья, то оно использовалось только в виде галек, часто довольно мелких. Почти на каждом орудии из этого сырья сохраняется часть окатанной поверхности гальки. Галечное недоломитовое сырье тоже было местным, из речных галечников. Именно использованием мелкогалечного сырья С. Н. Замятнин объяснял незначительные размеры и иные особенности облика многих орудий стоянки (Zamiatnine 1929: 284–292).

Несколько иначе подошел к оценке сырья стоянки В. А. Городцов. Доломит он отнес к плохому сырью (плохо ретушируется и непрочен при работе) и полагал, что на Ильской стоянке это сырье применялось ограниченно для грубых работ и в большинстве случаев без добавочной обработки орудий. Поэтому подавляющая часть орудий на стоянке, по его мнению, изготовлена из яшмы (63,3%), кремня (13,7%), кварцита (0,6%) и халцедона (0,6%). Доломитовые орудия составляли всего 21,8%. Но и недоломитовое сырье имело существенные недостатки. Оно было представлено в виде галек, обычно мелких размеров. Отсутствие достаточного количества хорошего сырья, по мнению исследователя, привело к тому, что «за редким исключением ильские каменные орудия отличаются грубоватостью отделки» (Городцов 1941: 15).

Однако В. А. Городцов был, безусловно, не прав. Доломит как исходное сырье для орудий играл на стоянке очень важную роль и использовался так же широко, как и галечное недоломитовое сырье. Причем в некоторых слоях он применялся даже чаще, чем другие породы камня. Я это вижу по своим материалам. На это указывают и результаты предварительного исследования Т. Н. Дмитриевой коллекций из раскопок Н. Д. Праслова. По ее сведениям, доломит был преобладающей породой для изготовления орудий на стоянке, так как в каждом из двенадцати горизонтов доломитовые изделия составляют от 77 до 92% находок, тогда как «мелкогалечные породы камня» (кремнь, лидит и др.) и алевролит применялись гораздо реже. Отмечается также, что, например, доломитовые нуклеусы от нижнего горизонта к верхним горизонтам становятся все более сработанными и по размерам приближаются к нуклеусам из «мелкогалечных недоломитовых пород камня» (Дмитриева 1986: 64–69). Иными словами, интенсивность первичного расщепления доломита и недоломитового сырья была приблизительно одинаковой. При этом, как показывает исследование П. Е. Нехорошевым материалов стоянки из раскопок С. Н. Замятнина и В. А. Городцова, нуклеусы из разного сырья расщеплялись одними и теми же приемами (Нехорошев 1999: 30–31).

Тем не менее совершенно очевидно, что исходное каменное сырье на стоянке, как это показывают материалы ее западного участка, было неодинакового качества. Вероятно, поэтому использование его обитателями стоянки было отчетливо дифференцированным.

Доломит, как показывают эксперименты, вопреки сложившемуся о нем мнению как о плохом сырье, был вполне подходящей породой камня для изготовления орудий. Это карбонатная осадочная порода, близкая известнякам. Она состоит преимущественно из минерала доломита, мелкозернистая и довольно плотная, а твердость ее всего лишь в 2–2,5 раза меньше твердости кремня, яшмы и других кремнистых пород (Геологический словарь 1978: 237). Часто эта порода является окремненной или окварцованной, что придает ей еще большую твердость. При этом доломит обладает хорошей изотропностью и легко поддается расщеплению и ретушированию, хотя

довольно вязок и хрупок. В районе стоянки доломиты слагают коренные отложения палеогенового возраста и в виде пластов выходят на поверхность, образуя при разрушении обломки различных размеров. Это давало возможность свободного выбора этого сырья. Наиболее качественным является тонкозернистый доломит голубовато-серого цвета. Это же сырье, но в виде крупных галек и валунов, в большом количестве представлено также в древнем и современном аллювии р. Иль. Из ильского доломита, при определенных навыках, можно получить любые деваллуазские отщепы, пластины и даже микропластинки. Очевидное преимущество доломита как сырья для орудий заключалось в его обилии, легкой доступности и в крупных размерах естественных отдельностей, что позволяло изготавливать орудия требуемых размеров и в неограниченном количестве, а недостатком — относительно невысокая износоустойчивость изготовленных из него орудий. По данным экспериментов, износоустойчивость доломитовых орудий при использовании их в работе была примерно в 2–3 раза меньше по сравнению с орудиями из кремня и других кремнистых пород (Щелинский 1984: 188–191).

Другая часть каменного сырья стоянки представлена, несомненно, более качественным материалом (твердым, износоустойчивым, долговечным, легко поддающимся обработке расщеплением и ретушированием) и включает в себя кремень, лидит и кремнистые разновидности алевrolита и песчаника. Две последние породы камня по своим свойствам практически не отличаются от кремня. Однако это сырье в основном было мелкогалечным и при этом, судя по всему, не было таким доступным, как доломит. В настоящее время его можно отыскать в современных и древних галечниках как в окрестностях стоянки, так и на территории всего Закубаны. Это сырье первобытные обитатели стоянки специально собирали в разных местах и особенно дорожили им.

Именно из этого сырья на стоянке изготовлены орудия основных технико-типологических категорий: различные остроконечники, скребла и обушковые двусторонне обработанные ножи (кайльмессеры). Многие из этих орудий имеют интенсивную вторичную обработку и, очевидно, неоднократно подправлялись по мере затупления от использования в работе. Будучи изготовленными из прочного камня, они являлись орудиями длительного пользования и нередко использовались с периодическими подправками до полного «истощения».

В качестве примера можно привести интересную группу специфических остроконечников, выделенных в материалах стоянки из раскопок С. Н. Замятина и В. А. Городцова (Щелинский, Кулаков 2005: рис. 9, 5, 6; 10, 4, 5, 8; 21, 6). Это мелкие узкие орудия с высоким сечением, изготовленные из толстых первичных отщепов. Лезвия их, сходящиеся к острию, обработаны интенсивной чешуйчатой и продолговатой ретушью. Основание массивное, необработанное или с частичной обработкой, но без существенного утончения. Острие иногда сформировано на месте снятой обработкой ударной площадки отщепа-заготовки. Эти орудия, судя по характеру следов изнашивания, служили ножами и при этом использовались длительное время, что подтверждается наличием среди них экземпляров с хорошо выраженными следами специфической подправки. Такие остроконечники получили название «остроконечники с “гребешком”» (рис. 4, 1, 2, 4, 6). У них на сильно выпуклой спинке имеет-

ся характерное продольное обработанное ребро или «гребешок», образованный снятием с этого ребра мелких укороченных чередующихся чешуек по направлению к продольным лезвиям орудия. Этот «гребешок», на первый взгляд, очень похож на дорсальную сторону обычного реберчатого скола. На самом деле происхождение его совсем другое. При внимательном рассмотрении видно, что снятия, сформировавшие «гребешок», сделаны после отделения некоторых фасеток ретуши на боковых лезвиях и в ряде случаев частично срезают негативы этих фасеток. Совершенно очевидно, что перед нами признаки особого приема обработки, точнее, подправки лезвий орудий. Сколы с продольного ребра, использовавшегося в качестве ударной площадки, призваны были снимать заломы и навесы, возникающие при периодическом ретушировании износившихся лезвий орудий. Если мы вспомним, близкая по назначению обработка нередко прослеживается на нуклеусах, когда на них в процессе расщепления готовились, наряду с основной ударной площадкой, вспомогательные ударные площадки для встречного снятия сколов для того, чтобы убирать всякого рода неровности, появившиеся на поверхности скалывания.

Другим примером длительного применения орудий, изготовленных из кремня, являются обушковые двусторонне обработанные ножи (кайльмессеры). По форме эти орудия довольно сильно различаются (рис. 4, 5, 7–10; 5, 1–8). Однако принцип изготовления их был одинаков. Данные орудия изготавливались техникой «плоско-выпуклой отделки», описанной еще в 1929 г. С. Н. Замятниным (Zamiatnine 1929: 291). Суть ее заключалась в том, что заготовка первоначально уплощалась с одной стороны крупными сколами. И лишь затем сколами и ретушью с верхней выпуклой стороны формировались лезвие/лезвия и обушок и создавалась общая форма орудия. Уплотнение нижней стороны обеспечивало также эффективную подправку износившегося лезвия. В результате использования и периодических подправок орудия уменьшались в размерах, но почти не изменялись по форме. Доломит для изготовления такого рода орудий в Ильской стоянке использовался очень редко. Показательно, что наиболее выразительный кайльмессер из этого сырья имеет крупные размеры (рис. 7, 2) и, по-видимому, использовался в работе непродолжительное время.

Важным компонентом в составе изделий в материалах стоянки из раскопок С. Н. Замятнина и В. А. Городцова являются листовидные и треугольные остроконечники/наконечники (одно- и двусторонне обработанные). Изготавливались они как из кремнистых пород (преимущественно из лидита) (рис. 6, 1, 3, 4), так и из доломита. При этом доломитовые наконечники отличаются более крупными размерами (рис. 6, 2, 7, 1). Эти орудия не нуждались в повышенных режущих свойствах, так как выполняли в основном ударно-проникающую функцию. Поэтому доломит был вполне подходящим материалом для их изготовления.

Однако основной сферой применения доломита на стоянке было изготовление простых легко заменяемых орудий для кратковременных работ. Это были главным образом орудия в виде отщепов и пластин без дополнительной обработки или с минимальной обработкой. Такие орудия после использования в работе и затупления часто не подправлялись, а просто выбрасывались и заменялись новыми.

Отмеченные различия в использовании разных видов сырья хорошо прослеживаются и в материалах восточного участка стоянки. Здесь из семи культурных слоев в

настоящее время лучше изучены материалы 3-го культурного слоя, исследованного в раскопе 1 (о стратиграфической позиции и возрасте этого слоя см. выше).

Культурный слой 3 в раскопе 1 вскрыт на площади около 33 м<sup>2</sup>. Он хорошо выражен и насыщен культурными остатками, хотя не имеет какой-либо специфической окраски и выделялся в разрезе и на вскрытой площади только по довольно высокой концентрации каменных изделий и костных остатков животных. Максимальная толщина слоя составляла 30–35 см. Однако горизонт с наибольшей концентрацией культурных остатков практически на всей площади раскопа не превышал 10–12 см. Иногда он был еще тоньше. Культурные остатки в слое, несомненно, залежали *in situ*. Лишь местами, по отдельным разорванным костям, можно было видеть их некоторое смещение (в пределах нескольких сантиметров) в результате проседания и незначительного сползания вниз по склону вместе со всей вмещающей глинистой толщей. Тем не менее культурные остатки имеют разную сохранность. Хуже сохранились изделия из доломита. Многие из них либо сильно выветренные, либо имеют прочную корку и бородавчатые наросты железисто-карбонатного натеса, который, к сожалению, не удаляется ни кислотой, ни механическим способом и в той или иной степени маскирует поверхность изделий. Однако на изделиях из кремня и других кремнистых пород камня этот натек отсутствует или легко снимается. Эти изделия совершенно не выветренные и прекрасно сохранились. Кости животных, обнаруженные в слое (около 150 экз.), по определению Г. Ф. Барышникова, принадлежат главным образом бизону (*Bison cf. priscus*). Останки других крупных млекопитающих единичные. Установлены, в частности, благородный олень (*Cervus elaphus L.*), волк (*Canis lupus L.*) и, вероятно, мамонт (Barysnikov, Hoffecker 1994: 3). Среди мелких млекопитающих выявлены обыкновенный слепыш (*Spalax microphthalmus Guild.*), водяная полевка (*Arvicola terrestris L.*) и обыкновенная полевка (*Microtus cf. arvalis Pall.*). В фауне отчетливо преобладают обитатели открытых биотопов (бизон, слепыш, обыкновенная полевка), свидетельствующие о развитии в окрестностях стоянки степных и довольно засушливых ландшафтов. Благородный олень является индикатором лесных зарослей, которые могли быть связаны с поймами рек, на что указывает и водяная полевка. Основным промысловым животным на стоянке был степной бизон, тогда как другие звери были нерегулярной охотничьей добычей ее обитателей.

Коллекция каменного инвентаря 3-го культурного слоя включает 1724 предмета. Это разнообразные сколы (1566 экз.), нуклеусы (47 экз.), орудия с вторичной обработкой (72 экз.), нуклеидные обломки (6 экз.), неопределимые обломки (16 экз.) и использованные гальки (17 экз.).

Исходным сырьем индустрии этого слоя служил главным образом местный доломит. Доломитовых предметов в коллекции насчитывается 1594 экз., что составляет 92,5 % всех каменных предметов, найденных в культурном слое. Предметов из недоломитового сырья в коллекции всего 130 экз. (7,5 %). Однако это сырье удивительно разнообразное. Представлен кремень различных цветов и оттенков (серый, темно-серый, коричневатый-серый, розовато-серый, серовато-розовый, серо-желтый, коричневый, горчичного цвета, всего 45 предметов), халцедон (1 предмет), черный лидит (15 предметов), окремненный алевролит светло-серого, серого и серовато-коричневого цвета (41 предмет), окремненный мелко- и среднезернистый песчаник одина-



ковой с алевролитом расцветки (13 предметов) и слабо сцементированный светло-серый и серый песчаник (15 предметов).

Изготовление сколов как из доломита, так и из недоломитового сырья производилось на основе леваллуазской технологии. Суть ее, как известно, заключалась в том, что для расщепления отбирались сравнительно крупные естественные отдельности сырья или намеренно полученные крупные массивные отщепы, которые служили заготовками для нуклеусов. Последние специально изготавливались таким образом, чтобы с них можно было скалывать относительно крупные и широкие отщепы и пластины той или иной формы. При этом, в отличие от призматических нуклеусов, это были нуклеусы, расщепляемые с одной плоскости (нуклеусы плоскостного расщепления). Скалывание производилось с одной или двух-трех противоположных или смежных ударных площадок. Поэтому многие леваллуазские нуклеусы имеют уплощенную форму. Леваллуазские нуклеусы регулярно подправлялись и переоформлялись в процессе расщепления, причем приемы подправки мало отличались от приемов изготовления нуклеусов. Разумеется, следы обработки и подправки сохраняются далеко не на всех нуклеусах, так как они обычно «снимаются» вместе со сколами в процессе расщепления. Леваллуазская технология не была повсеместно одинаковой. Особенности ее на стоянках проявляются в основном в соотношении приемов расщепления (последовательность снятия сколов), формах нуклеусов, а также в целевой направленности их расщепления на изготовление сколов определенных типов. Наряду с леваллуазской технологией, в индустриях стоянок обычно применялись и другие технологии изготовления сколов, что имело место и в индустрии 3-го культурного слоя, хотя леваллуазская технология в ней была основной, о чем свидетельствует распределение типов нуклеусов и сколов.

Доломитовые нуклеусы в индустрии 3-го культурного слоя (41 экз.) изготовлены из разных заготовок: 20 экз. — из крупных массивных отщепов; 7 — из галек; 5 — из угловатых кусков. Для 9 нуклеусов форма исходных отдельностей сырья неопределима. Преобладают леваллуазские нуклеусы — 36 экз. Остальные нуклеусы относятся к другим категориям.

Леваллуазские нуклеусы по приемам расщепления подразделяются на нуклеусы параллельного/конвергентного скалывания, параллельного встречного/ортогонального скалывания, подперекрестного скалывания и нуклеусы двусторонние.

Нуклеусы параллельного/конвергентного скалывания (23 экз.; рис. 8, 3), преобладающие в коллекции, объединяются в одну группу на том основании, что они имеют одну основную ударную площадку, хотя скалывание с нее заготовок могло несколько отличаться. Оно производилось в более или менее параллельном или конвергентном направлении. При этом на нуклеусах с конвергентным скалыванием (всераз) ударная площадка, как правило, крупнее и занимает значительную часть верхнего края нуклеуса. Эксперименты показывают, что использование приема конвергентного скалывания позволяло более рационально расходовать полезную массу нуклеуса не в ущерб качеству (размер, форма) получаемых сколов. В коллекции эти нуклеусы довольно крупные (длиной 10,8–12,6 см) или средних размеров (длиной 6,2–9,9 см). Особенно выделяется нуклеус из крупной глыбы доломита (29 × 11,5 × 14 см) с негативами скалывания нескольких крупных отщепов. На 14 нуклеусах со-

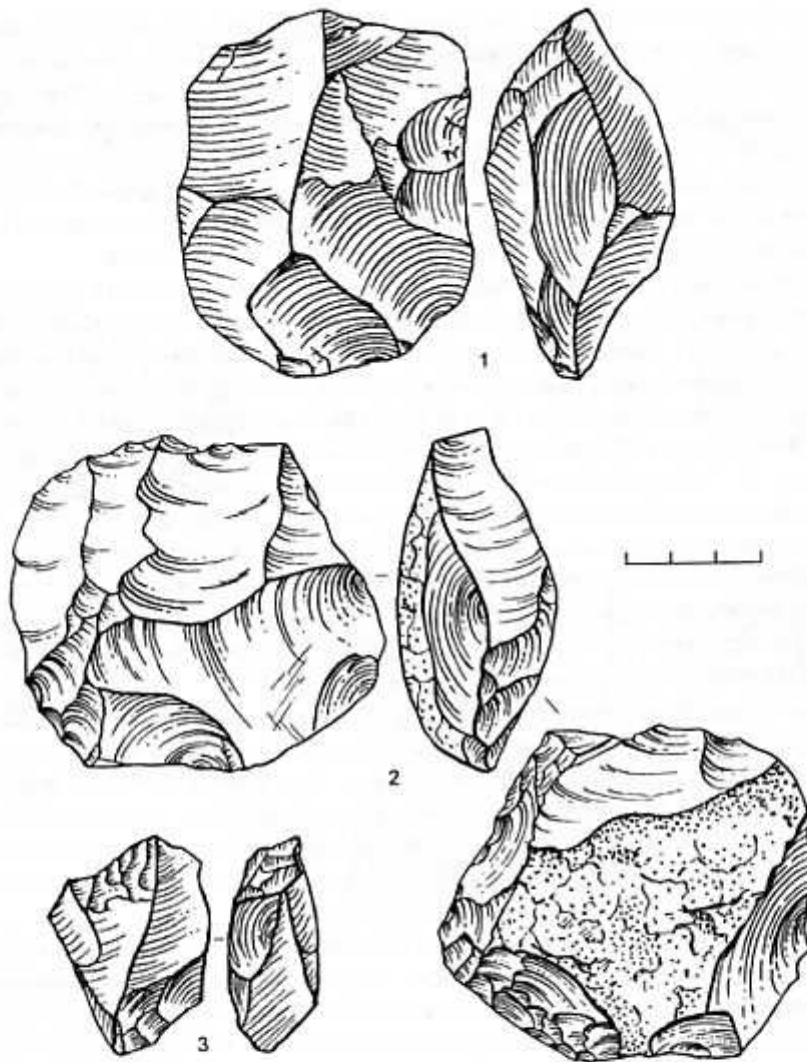


Рис. 8. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, нуклеусы из доломита

хранились следы предварительной обработки. Во всех случаях эта обработка краевая. На 1 нуклеусе, близком к черепаховидному, она более интенсивная и распространена почти по всему периметру изделия. Такой обивкой поверхности скальвания нуклеуса придавалась равномерно выпуклая форма для снятия одного максимально крупного отщепя. Примечательны нуклеусы, у которых обработка (частичная и в основном со стороны поверхности скальвания) была направлена на то, чтобы утончить и сузить нижнюю часть изделия, отчего они иногда получали форму, приближающуюся к треугольной, сердцевидной или трапециевидной. Это делалось прежде всего с

целью предотвратить заламывание концов снимаемых сколов. На некоторых нуклеусах видно, что их нижняя часть лишь утончалась, но оставалась широкой. Довольно часто обрабатывался один из боковых краев нуклеуса. Тем самым оптимальный для скалывания отщепов выпуклый профиль поверхности скалывания формировался не на всей поверхности, как у черепаховидных нуклеусов, а только у края ее. Причем иногда на крае формировалось более или менее выраженное ребро. Такая обработка указывает на то, что поверхности расщепления нуклеуса формировалась снятием краевого реберчатого скола. И такие сколы имеются в коллекции.

Нуклеусы параллельного встречного/ортогонального скалывания (8 экз.) характеризуются иной системой снятия сколов. Они имеют две постоянные ударные площадки, с которых скалывание производилось поочередно. В одних случаях ударные площадки противостоят одна другой и скалывание с них производилось в параллельном встречном направлении (рис. 8, 1). В других случаях ударные площадки располагаются на смежных краях нуклеусов так, что сколы снимались почти под прямым углом (рис. 8, 2). Совершенно очевидно, что этот прием попеременного скалывания с двух ударных площадок в разных направлениях способствовал равномерному расходу полезной массы нуклеуса и, в какой-то мере, предотвращал появление на поверхности скалывания дефектов от заламывания концов снимаемых сколов. Эти нуклеусы имеют средние и крупные размеры и неправильную четырехугольную форму. Длина самого крупного из них 13 см, самого небольшого 6,4 см. Следы предварительной обработки на них плохо сохранились.

Нуклеус подперекрестного скалывания всего один. У него три ударных площадки. Две из них противостоят одна другой, а третья располагается между ними на боковом крае. Длина нуклеуса 8 см, форма овальная. Этот нуклеус является как бы переходной формой к многоплощадочным нуклеусам радиального расщепления.

Двусторонние нуклеусы (4 экз.) отличаются от других тем, что расщеплялись с обеих сторон различными приемами. Форма их округлая или неправильная, длина 6,5–9 см.

Нелеваллуазские доломитовые нуклеусы малочисленны (5 экз.). К ним относятся нуклеусы радиальные или дисковидные (3 экз.), торцовый (1 экз.) и бессистемного расщепления (1 экз.). Нуклеусы радиального скалывания имеют серию ударных площадок, соединяющихся одна с другой и распространяющихся по всему обводу изделия. Изделия крупные (10–11 см в поперечнике), округлой и овальной формы. Интересен торцовый нуклеус (длина 3,2 см). Он хорошо выражен, но единственный в коллекции.

Нуклеусов из недоломитового сырья всего 6 экз. (рис. 9, 1–6), из них 5 изготовлены из кремня, а 1 из окремненного алевrolита. Отличия их от большинства доломитовых нуклеусов незначительные. Все они леваллуазские, но в целом меньших размеров (от 9,4 см до 2,7 см) и сильнее сработаны по сравнению с леваллуазскими нуклеусами из доломита. С них намеренно скалывали даже совсем небольшие отщепы. Выделяются нуклеусы двух типов: параллельного/конвергентного скалывания (3 экз.) и параллельного встречного скалывания (3 экз.). Форма нуклеусов подчетыреугольная, в одном случае подтреугольная.

Наиболее многочисленной частью коллекции являются сколы. При этом сколы из доломита сильно отличаются от сколов из недоломитового сырья.

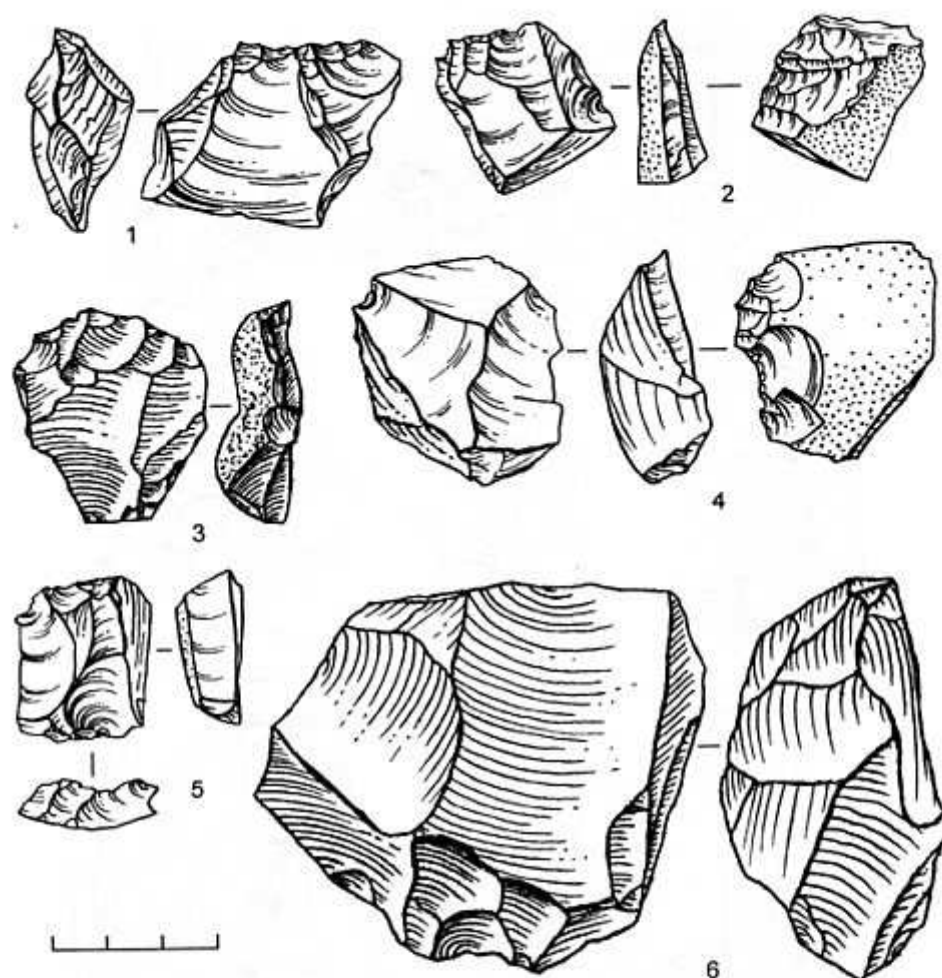


Рис. 9. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, нуклеусы из кремня (1–5) и кремнистого алеволита (6)

Доломитовых сколов 1493 экз. Из них 667 экз. являются заготовками, а остальные 826 экз. представляют собой отходы от расщепления нуклеусов.

Заготовки образуют четыре группы: леваллуазские отщепы, нелеваллуазские отщепы, обушковые отщепы и пластины. К отходам от расщепления нуклеусов отнесены прочие сколы, а именно первичные, реберчатые, тонкие изогнутые, толстые бесформенные сколы, мельчайшие сколы и чешуйки и обломки неопределимых сколов.

В первую очередь обращают на себя внимание леваллуазские отщепы. Их 373 экз. и они очень разные. Среди них леваллуазские остроконечники (12 экз.) и другие отщепы разнообразной формы (целые или почти целые экземпляры) — треугольные (39 экз.), подтреугольные (58 экз.), четырехугольные (4 экз.), подчетыреугольные

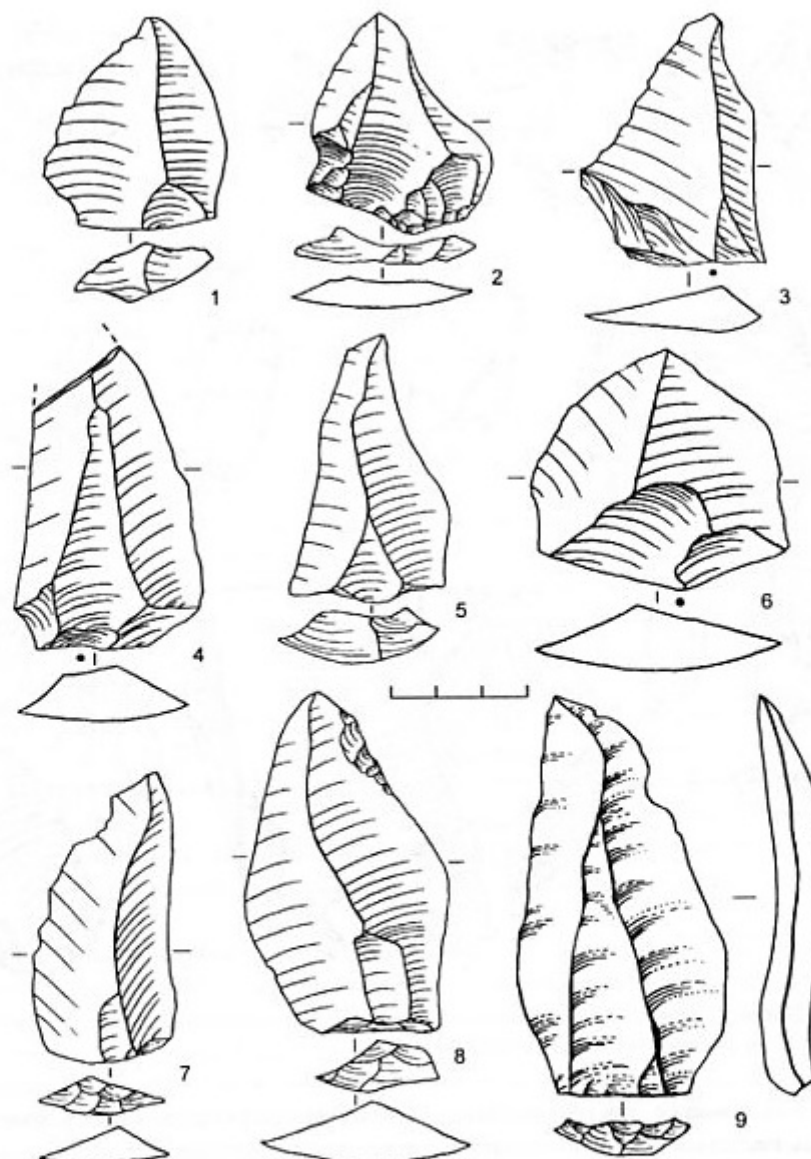


Рис. 10. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, леваллуазские отщепы из доломита

(40 экз.), овальные (75 экз.), округлые (4 экз.), укороченные (6 экз.) и бесформенные (30 экз.). 105 отщепов сломаны и форма их неопределима. По размерам основная масса целых леваллуазских отщепов образует две группы: длиной 4,1–6 см (99 экз.) и 6,1–8 см (79 экз.). Довольно многочисленны и более крупные изделия: длиной 8,1–10 см (36 экз.), 10,1–15 см и более (23 экз.). Сравнительно мелких отщепов длиной 2,1–4 см всего 31 экз.

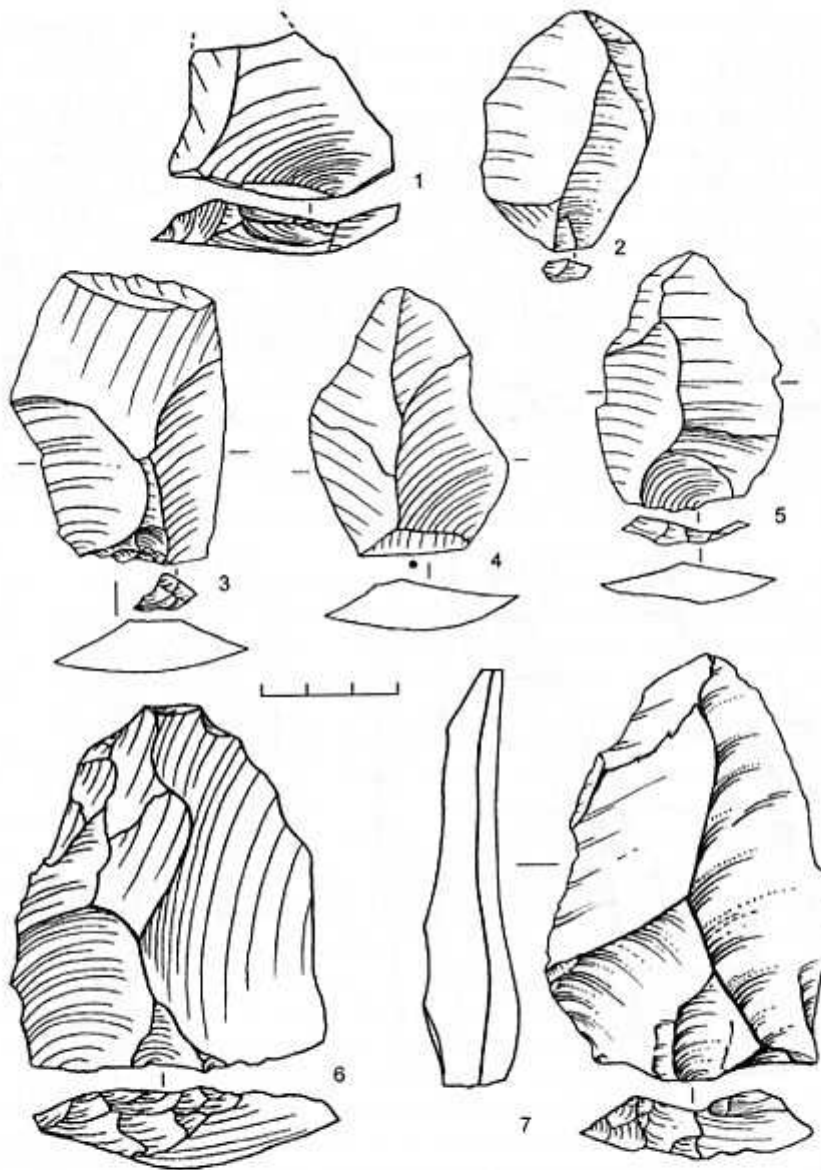


Рис. 11. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, леваллуазские отщепы из доломита

Примечательно наличие леваллуазских остроконечников как первого, так и второго снятия. Правда, их немного и представлены они не самыми лучшими образцами (рис. 10, 1–9). Качество других отщепов (рис. 11) различное, наряду с хорошо сделанными, имеются грубые экземпляры. Это и понятно, поскольку изделия изготавливались на месте и, по-видимому, не отсортировывались. Качественные отщепы, несомненно, в основном были использованы.

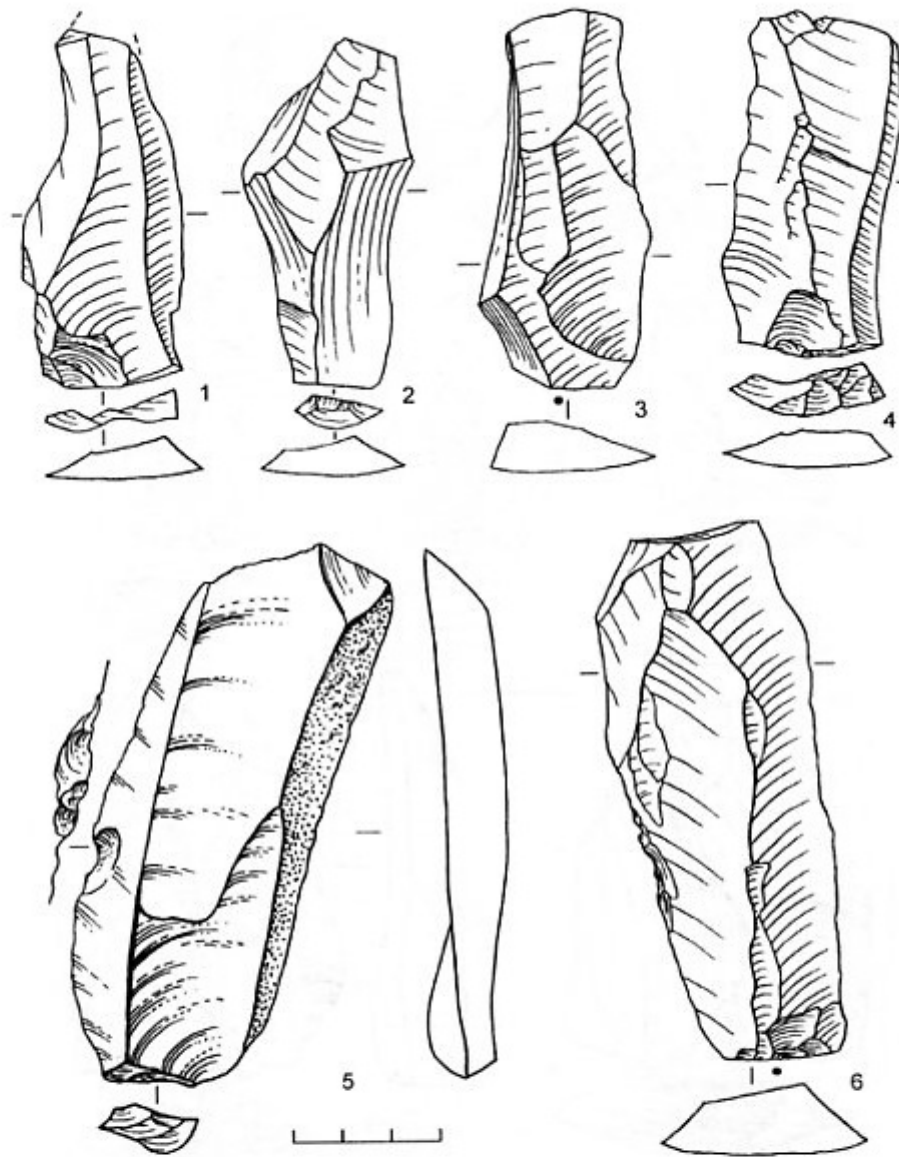


Рис. 12. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, пластины из доломита

Нелеваллуазские отщепы (140 экз., 40 из них сломанные) по размерам близки к леваллуазским отщепам. Однако, в отличие от них, они бесформенные и не имеют признаков оббивки поверхности нуклеусов перед расщеплением.

Обушковые отщепы (44 экз.) отличаются от леваллуазских отщепов лишь наличием обушка, образованного краем нуклеуса (с обработкой или в виде вертикальной грани). Вполне вероятно, что эти отщепы изготавливали преднамеренно для использова-

ния в качестве ножей с обушком. Вместе с тем скалывание их с нуклеусов играло важную технологическую роль в подготовке последних к расщеплению или подправке.

Хорошо представлены пластины (рис. 12), их 110 экз. Судя по целым экземплярам (64), они средних и крупных размеров. Длина их колеблется от 4,1 см до 15 см. Мелких пластин длиной 2,1–4 см только 3 экз. Пластины, как и отщепы, довольно разные. В основном они широкие, есть двугранные, с обушком или с толстым окончанием, сохраняющим край ударной площадки нуклеуса. Однако немало и плоских хороших пластин, в том числе подтреугольной формы, хотя ножевидные экземпляры с параллельным ограничением и прямыми краями среди них довольно редки.

Отмеченные отщепы и пластины в массе своей, несомненно, были изготовлены расщеплением леваллуазских нуклеусов. На это указывает как огранка многих из них, так и особенности ударных площадок. Выделяется 346 отщепов и пластин с сохранившейся ударной площадкой. При этом почти у половины (147 экз.) она обработанная: в 142 случаях фасетированная (ретушированная), в 5 случаях двугранная. Фасетированные площадки прямые (74 экз.), слабо выпуклые (33 экз.) и выпуклые (35 экз.). Еще 199 отщепов и пластин имеют гладкую, необработанную ударную площадку.

Данное соотношение типов ударных площадок характерно для леваллуазских и нелеваллуазских отщепов, а также для пластин. Обушковые же отщепы в основном имеют гладкую ударную площадку. Это обстоятельство может косвенно свидетельствовать о том, что эти отщепы, вероятно, были технологическими сколами, но намеренно отбирались и использовались как удобные для работы обушковые орудия.

Сколов из недоломитового сырья совсем немного, 73 экз. (42 экз. из кремня и лидита, 31 экз. из окремненного алевrolита и песчаника). При этом большинство составляют отходы от расщепления нуклеусов и изготовления орудий в виде мельчайших отщепов и чешуек (66 экз.). Другие сколы являются леваллуазскими (6 экз.) и нелеваллуазскими отщепами (14 экз.). Интересно, что леваллуазские отщепы изготовлены из окремненного алевrolита, который использовался на стоянке в виде галек среднего и крупного размера. Поэтому эти отщепы имеют средние размеры (4,1–6 см), длина одного из них больше 7 см. Нелеваллуазские отщепы изготовлены как из алевrolита и песчаника, так и из кремня и лидита. На многих из них сохранился участок галечной корки. Все эти изделия мелких размеров (2,1–4 см). Ударная площадка у большинства изделий (13) обработанная, у 7 отщепов она гладкая.

Несмотря на малочисленность расщепленных изделий из недоломитового сырья, хорошо видно, что они также в основном изготавливались расщеплением леваллуазских нуклеусов. Вместе с тем среди них много простых мелких нелеваллуазских отщепов, изготовлявшихся расщеплением мелкогалечного кремневого и лидитового сырья, из которого невозможно было изготовить полноценные леваллуазские нуклеусы.

По сравнению с обилием заготовок в виде отщепов и пластин, орудий со вторичной обработкой в индустрии рассматриваемого культурного слоя ничтожно мало (72 экз. или 4,2 %). При этом орудия из доломита и из недоломитового сырья представлены в одинаковых пропорциях. Однако состав их существенно различается.

Орудия из доломита (36 экз.): остроконечник асимметричный (1 экз.), скребло диагональное (1 экз.), скребло продольное двойное (1 экз.), нож с обушком (1 экз.),



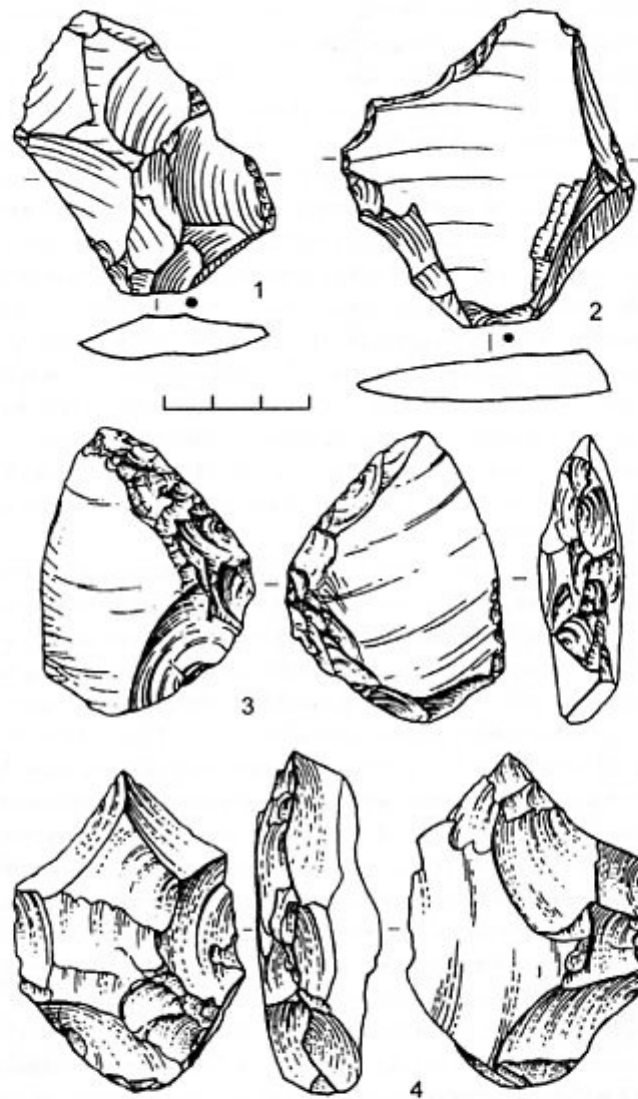


Рис. 13. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, орудия из доломита: 1 — леваллуазский отщеп с ретушью; 2 — зубчатое орудие из отщепа; 3 — нож с дугообразным обушком из отщепа; 4 — двусторонне обработанное орудие овальной формы с заостренным концом

зубчатые орудия (2 экз.; рис. 13, 2), частично двусторонне обработанные орудия (2 экз.), кливеры (4 экз.), отщепы с ретушью (13 экз.), пластины с ретушью (11 экз.).

Среди орудий преобладают отщепы и пластины с незначительной ретушью. В ряде случаев частично ретушированные отщепы являются леваллуазскими (рис. 13, 1). Остроконечников и скребел всего по 1–2 экземпляра. Из других орудий интересны тщательно оформленный нож с выпуклым ретушированным обушком (рис. 13, 3),

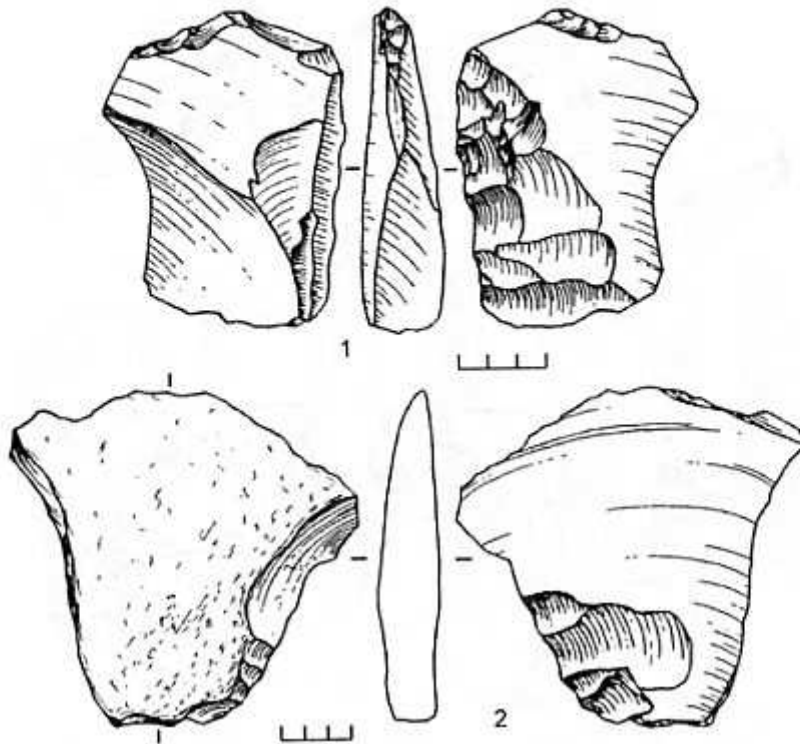


Рис. 14. Ильевская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, кливеры из доломита

частично двусторонне обработанные орудия, а также кливеры. Частично двусторонне обработанные орудия невыразительные. Одно из них (длиной 6,7 см) овальной формы и с заостренным концом, изготовлено из толстого отщепа. Это орудие, по-видимому, незаконченное (рис. 13, 4). Другое орудие также остроконечное и изготовлено из массивного отщепа. Оно крупное (длиной 10,7 см). Обработка боковых краев была направлена на формирование толстого заостренного конца орудия (рис. 15, 1). Обращает на себя внимание серия крупных орудий, которые могут быть определены как кливеры. Длина их 9, 10,5, 10,6 и 14,5 см. Они изготовлены из массивных отщепов. У них, как это свойственно такого рода орудиям, обработаны оббивкой боковые края (с одной или обеих сторон), тогда как поперечное рабочее лезвие, образованное краем отщепа-заготовки, оставлено необработанным (рис. 14, 1, 2; 15, 2, 3). На всех орудиях это лезвие имеет следы изнашивания в виде выкрошенности и забитости кромки от использования в работе (рубка, обтеска, вероятно, дерева).

Орудия из недоломитового сырья (36 экз.) более разнообразные и по составу во многом другие. Среди них выделяются остроконечники (2 экз.), остроконечник асимметричный (1 экз.), скребла — продольные (8 экз.; рис. 17, 2, 3, 9), двойные (2 экз.), поперечное (1 экз.), диагональные (2 экз.; рис. 17, 1), тройное продольно-поперечное (1 экз.), конвергентное (1 экз.; рис. 17, 5), нож с обушком (1 экз.), пластины рету-

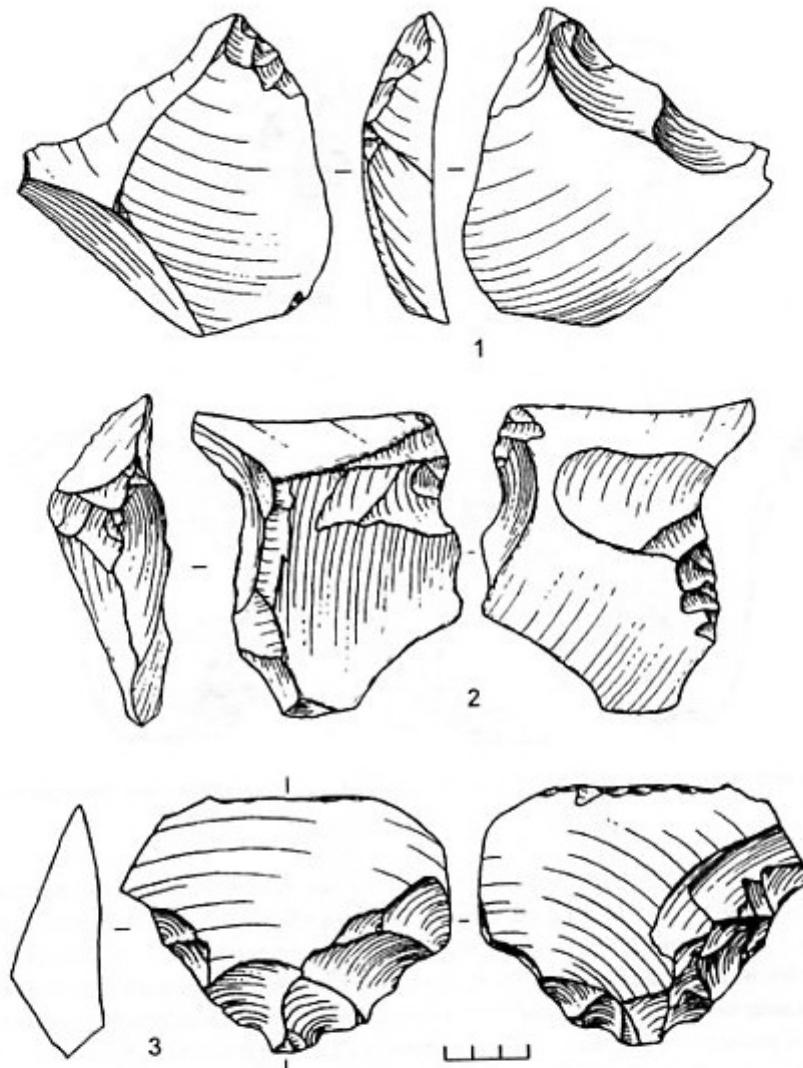


Рис. 15. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, орудия из доломита: 1 — частично двусторонне обработанное орудие с заостренным концом; 2, 3 — кливеры

шированные, близкие к ориньякскому типу (4 экз.), кайльмессер (1 экз.), выемчатые орудия (2 экз.), зубчатое орудие (1 экз.), отщепы с ретушью (4 экз.), пластина с ретушью (1 экз.), галечка с двусторонней обработкой края (1 экз.), чоппер односторонний (1 экз.), фрагменты неопределимых орудий (2 экз.).

Отдельные формы орудий заслуживают особого внимания. Остроконечников всего 2 экз. и они относятся к разным типам. Один из них близок к мустьерским остроконечникам (рис. 17, 7). Он небольшой (длиной 5,3 см) и обработан мелкой краевой ретушью. Другой остроконечник своеобразный. Это довольно длинное (7,8 см), уз-

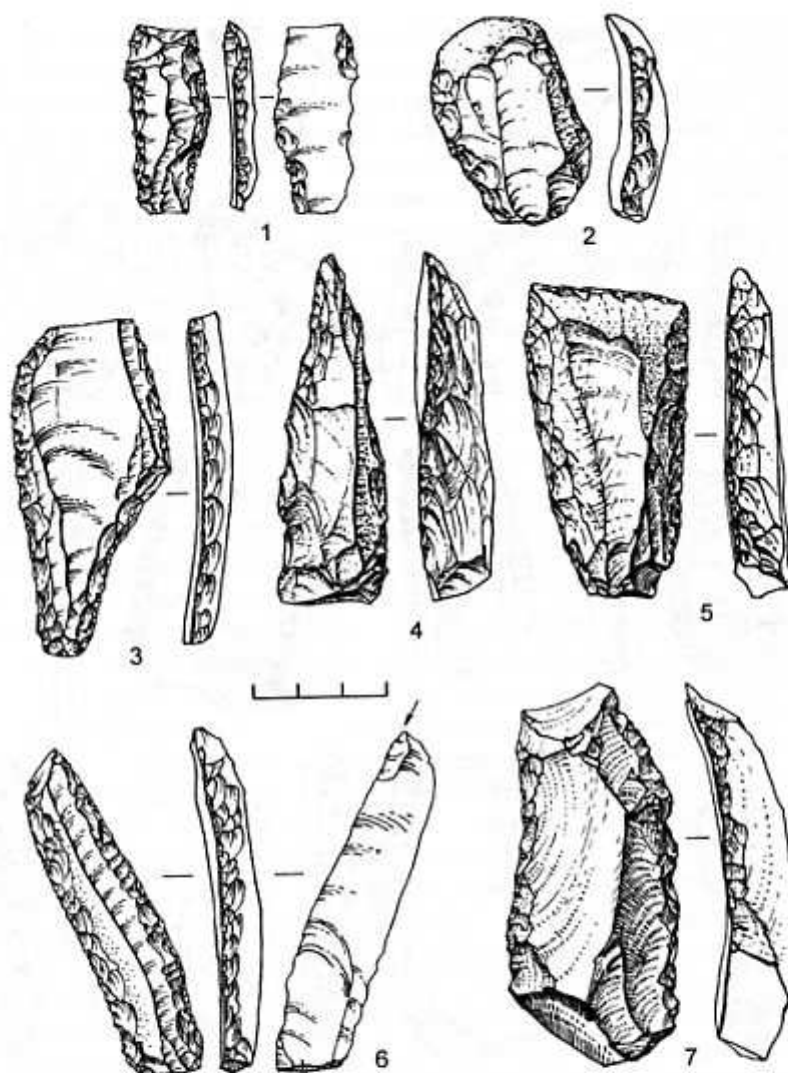


Рис. 16. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, орудия из лидита (1), кремня (2), окремненного алевролита (3–6) и окремненного песчаника (7): 1, 3, 7 — ретушированные пластины ориньякского облика; 2 — двойное продольное скребло; 4 — узкое толстое продолговатое острие с интенсивной модифицирующей ретушью; 5 — тройное продольно-поперечное скребло; 6 — ретушированная пластина ориньякского облика с плоским резовым сколом на дистальном конце

кое и при этом толстое острие, оформленное интенсивной ретушью (рис. 16, 4). Скребла сравнительно многочисленны, они также разные. Среди продольных скребел выделяется одно орудие с подтеской (уточнением) дистального конца (рис. 17, 6). Хорошо выражены двойные продольные скребла, в основном удлиненные (рис. 16, 2; 17, 8). Оригинально тройное продольно-поперечное скребло (рис. 16, 5). Устойчивой

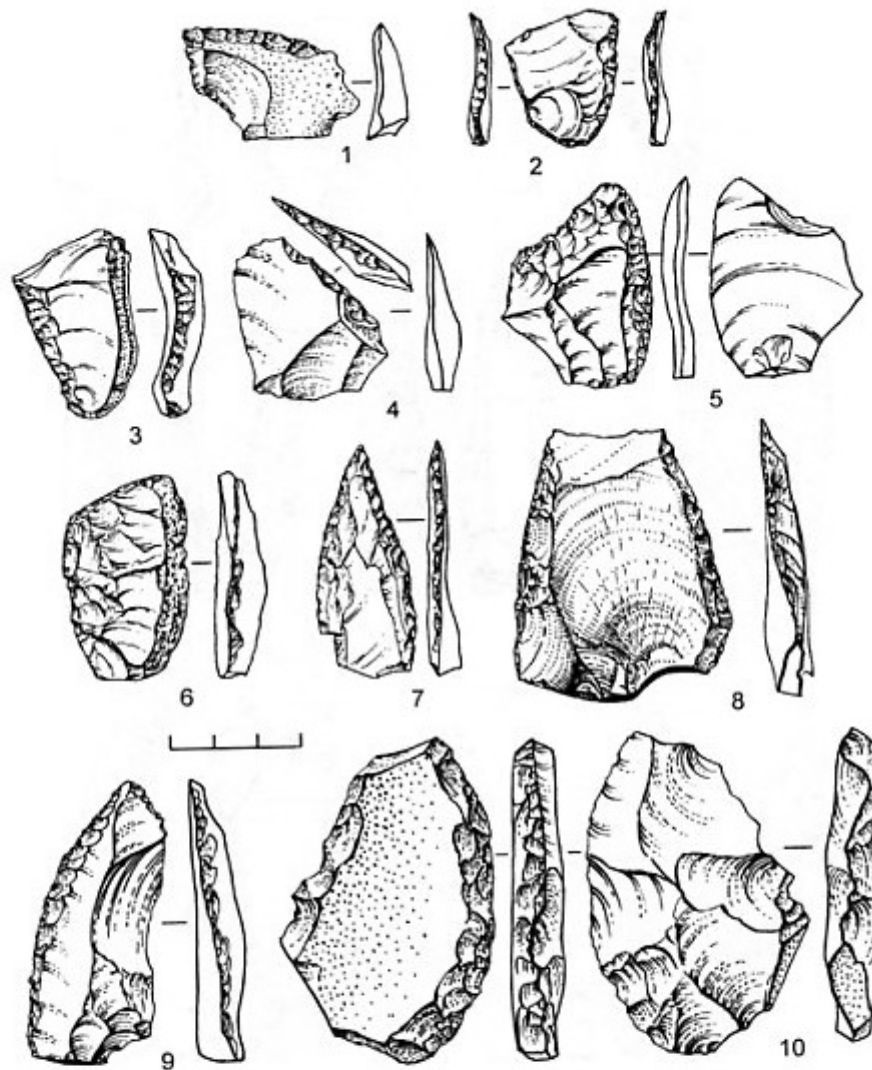


Рис. 17. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, орудия из окремненного алевролита (1, 4, 7, 9, 10), лидита (2, 3), кремня (5, 6) и окремненного песчаника (8): 1 — диагональное скребло; 2, 3, 9 — продольные скребла; 4 — нож с обушком; 5 — конвергентное асимметричное скребло; 6 — продольное скребло с подтеской дистального конца; 7 — мустьерский остроконечник; 8 — двойное продольное скребло; 10 — олиголезитный кайльмессер

серией представлены выразительные пластины с полукрутой ретушью почти по всему обводу (длиной 4,2, 6,4, 7,3, 8,4 см), напоминающие ориньякские пластины позднего палеолита (рис. 16, 1, 3, 6, 7). Кстати сказать, наличие этих пластин, как и узких остроконечников, позволило Г. Бозинскому увидеть значительное сходство индустрии рассматриваемого культурного слоя с индустрией слоя D стоянки Валлерт-

хайм (Wallertheim D), расположенной в бассейне Рейна (Германия) и датированной интерстадиалом бреруп. Однако уровень сходства индустрий пока не вполне ясен (Бозински 2007: 60–61). Из других единичных орудий 3-го культурного слоя обращают на себя внимание небольшой нож длиной 3,7 см с ретушированным обушком (рис. 17, А), относящийся к тому же типу, что и обушковый нож из доломита (рис. 13, Э), кайльмессер и крупный чоппер. Кайльмессер (двусторонне обработанный обушковый нож) сравнительно крупный (длиной 7,4 см) и имеет овальную форму (рис. 17, 10). Его нижняя сторона сплошь оббита и уплощена крупными снятиями. Обработка верхней стороны ограничивается оформлением выпуклого рабочего лезвия с помощью ретуши. Чоппер крупный и изготовлен из гальки окремненного песчаника. Длина его 14 см. Рабочее лезвие скошенное, извилистое и оформлено оббивкой с одной стороны.

Наряду с изделиями в рассматриваемом культурном слое встречено довольно много речных галек. Петрографический состав их однообразен. В основном это гальки светло-серого и серого слабо сцементированного песчаника, из которого не изготавливались изделия. В меньшем количестве найдены гальки кремня, лидита и некоторых других окремненных пород камня. Уже сам факт нахождения галек среди культурных остатков определенно свидетельствует о том, что они намеренно были принесены человеком на стоянку и использовались для каких-то целей. Очевидно, назначение их было различным. Некоторые гальки, в частности гальки кремневые, лидитовые и из близких к ним окремненных пород, несомненно, были запасом сырья для орудий. Другие гальки использовались иначе. Об этом можно говорить на основании анализа тех галек, на которых имеются следы изнашивания от использования в работе. Таких галек 17 экз., из них 15 являются гальками светло-серого и серого мелкозернистого слабо сцементированного песчаника, а 2 — доломитовые гальки. Показательно также, что в большинстве своем эти изношенные гальки представлены более или менее крупными фрагментами. Целые гальки (6 экз.: 4 песчаниковые, 2 доломитовые) имеют округлую или неправильную форму, некоторые удлиненные. Размеры меньшей из галек — 7,6 × 4,5 × 4,5 см, большей — 12,2 × 11 × 8,2 см. Длина фрагментированных галек и их обломков колеблется от 4 до 11 см. Все изношенные гальки, как из песчаника, так и из доломита (целые и фрагментированные), имеют один тип изнашивания, который можно описать следующим образом. Края галек, первоначально выпуклые и сферической формы, сильно забиты, покрыты многочисленными кавернами-выбоинами и выкрошены. Здесь же хорошо видны бессистемные и неправильные по форме негативы мелких и сравнительно крупных отщепов, отколовшихся от края. На изношенных краях имеются также участки с грубым истиранием поверхности, иногда сопровождаемым короткими и рельефными линейными следами, обычно возникающими от работы по твердому абразивному материалу. Отмеченный комплекс признаков изнашивания характерен для отбойников, служивших для обработки и расщепления нуклеусов. На некоторых отбойниках обращает на себя внимание весьма сильный износ. В какой-то мере это объясняется низкой износоустойчивостью отбойников из слабого несцементированного песчаника и их относительно быстрой изнашиваемостью. Вместе с тем это указывает также на значительную продолжительность использования отбойников в работе. При этом, вероятно, практиковалась подправка этих орудий путем абразивной обработки.

Таков каменный инвентарь 3-го культурного слоя. Предварительный сравнительный анализ его показывает, что в технико-типологическом отношении он отличается от комплексов каменных изделий других культурных слоев стоянки, хотя и имеет с ними ряд общих черт.

Выполненное исследование материалов Ильской мустьерской стоянки существенно дополняет и конкретизирует наши представления о технологии обработки камня на этом памятнике. Становится очевидным, что культурные традиции здесь были тесно связаны с особенностями сырьевых ресурсов, к которым первобытные люди должны были приспосабливать свои технологии изготовления орудий труда.

- Анисюткин 1968 — *Анисюткин Н. К.* Два комплекса Ильской стоянки // СА. 1968. № 2. С. 118–125.
- Анисюткин 2007 — *Анисюткин Н. К.* О выделении двух комплексов Ильской мустьерской стоянки // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб., 2007. С. 44–59.
- Бозински 2007 — *Бозински Г.* Валлертхайм (Райнгессен, Германия) и Ильская (Предкавказье, Россия) — перекликающиеся среднепалеолитические комплексы стоянок, разделенные 2500 км // Там же. С. 60–61.
- Бонч-Осмоловский 1934 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* Итоги изучения крымского палеолита // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.; Новосибирск, 1934. Вып. 5. С. 114–183.
- Верещагин 1959 — *Верещагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.; Л., 1959.
- Геологический словарь 1978 — Геологический словарь. М., 1978. Т. 1.
- Голованова 1993 — *Голованова Л. В.* Об истории одной мустьерской культуры на Северном Кавказе // Вторая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993. С. 24–27.
- Голованова, Доронищев 2003 — *Голованова Л. В., Доронищев В. Б.* Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 3–44.
- Городцов 1940 — *Городцов В. А.* Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 года // БКИЧП. М.; Л., 1940. № 6–7. С. 89–92.
- Городцов 1941 — *Городцов В. А.* Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки (предварительное сообщение) // МИА. 1941. № 2. С. 7–25.
- Грищенко 1965 — *Грищенко М. Н.* Геология волгоградской стоянки Сухая Мечетка на Волге и стоянки Рожок I в Приазовье // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1965. С. 141–156.
- Дмитриева 1986 — *Дмитриева Т. Н.* О технике обработки камня на Ильской мустьерской стоянке // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 64–69.
- Ефименко 1953 — *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953.
- Замятнин 1934 — *Замятнин С. Н.* Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.; Новосибирск, 1934. Вып. 5. С. 207–218.
- Иванова 1982 — *Иванова И. К.* Ископаемый человек и его культура // Стратиграфия СССР. Четвертичная система. М., 1982. Т. 1. С. 382–412.
- Любин 1977 — *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
- Любин 1994 — *Любин В. П.* Итоги исследования Баракаевской пещерной стоянки // Неандерталы Гупсского ущелья. Майкоп, 1994. С. 151–164.
- Муратов 1969 — *Муратов В. М.* Геологический возраст палеолитических стоянок. Северный Кавказ // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969. С. 33–37.

- Несмеянов 1999 — *Несмеянов С. А.* Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М., 1999.
- Нехорошев 1999 — *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Праслов 1964 — *Праслов Н. Д.* Работы по исследованию палеолитических памятников в Приазовье и на Кубани в 1963 г. // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 74–76.
- Праслов 1984 — *Праслов Н. Д.* Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблемы хронологии и периодизации палеолита // Палеолит СССР. М., 1984. С. 23–40 (Археология СССР).
- Праслов, Муратов 1970 — *Праслов Н. Д., Муратов В. М.* О стратиграфии Ильской стоянки // АО 1969 года. 1970. С. 83–85.
- Рогачев 1957 — *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59. С. 9–134.
- Формозов 1965 — *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Чепалыга и др. 1989 — *Чепалыга А. Л., Михайлеску К. Д., Измайлов Я. А., Маркова А. К., Кац Ю. И., Янко В. В.* Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Черного моря // Четвертичный период. Стратиграфия. М., 1989. С. 113–120.
- Шелинский 1980 — *Шелинский В. Е.* Новая мустьерская стоянка в поселке Ильском // АО 1979 года. 1980. С. 130.
- Шелинский 1982 — *Шелинский В. Е.* Новые данные о хронологии раннего палеолита Прикубанья // XI Конгресс INQUA: ТД. М., 1982. Т. 3. С. 356–357.
- Шелинский 1984 — *Шелинский В. Е.* Некоторые особенности изготовления и эффективность раннепалеолитических орудий из разных пород камня // III Seminar in petroarchaeology. Plovdiv, Bulgaria: Reports. Plovdiv, 1984. P. 185–191.
- Шелинский 1985 — *Шелинский В. Е.* Новые данные о многослойной раннепалеолитической стоянке Ильская 2 в предгорьях Северо-Западного Кавказа // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения археологии в XI пятилетке»: ТД. Баку, 1985. С. 377–379.
- Шелинский 1993 — *Шелинский В. Е.* Исследование мустьерской стоянки Ильская II в Прикубанье // Новые открытия и методологические основания археологической хронологии: ТД конференции. СПб., 1993. С. 7–10.
- Шелинский 2005 — *Шелинский В. Е.* О стратиграфии и культурной принадлежности Ильской стоянки // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 309–316.
- Шелинский 2009 — *Шелинский В. Е.* Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России // АО 1991–2004 гг. Европейская Россия, 2009. С. 23–34.
- Шелинский, Кулаков 2005 — *Шелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоянка. Раскопки 1920-х — 1930-х годов. СПб., 2005.
- Эрист 1934 — *Эрист Н. Л.* Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.; Новосибирск, 1934. Вып. 5. С. 184–206.
- Baryshnikov, Hoffecker 1994 — *Baryshnikov G., Hoffecker J. F.* Mousterian Hunters of the NW Caucasus: Preliminary results of recent investigations // Journal of Field Archeology. 1994. No 21. P. 1–14.
- Bosinski 1967 — *Bosinski G.* Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta A/4. Ktln, 1967.
- Bosinski 2000–2001 — *Bosinski G.* El Paleolítico medio en Europa Central // Zephyrus. 2000–2001. No 53–54. P. 79–142.
- Gábori 1976 — *Gábori M.* Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisse historique. Budapest, 1976.
- Gromova 1932 — *Gromova V.* Der Säugetierfauna der mittelpaläolithischen station bei Il'skaja im nördlichen Kaukasus // Труды ЗИН. 1932. Т. 1. С. 305–347.
- Hoffecker, Baryshnikov, Potapova 1991 — *Hoffecker J. F., Baryshnikov G., Potapova O.* Vertebrate remains from the Mousterian site of Il'skaja I (Northern Caucasus, U. S. S. R.): New analysis and interpretation // Journal of Archaeological Science. 1991. No 18. P. 113–147.



Jöris 2001 — Jöris O. Der spätmittelpaläolithische Fundplatz Buhlen (Grabungen 1966–1969): Stratigraphie, Steinartefakte und Fauna des Oberen Fundplatzes. Bonn, 2001 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. 73).

Jöris 2004 — Jöris O. Zur chronostratigraphischen Stellung der Keilmessergruppen. Der Versuch einer kulturgeographischen Abgrenzung einer mittelpaläolithischen Formengruppe im europäischen Kontext // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 2004. Bd 84. S. 49–153.

Ščelinskij 1998 — Ščelinskij V. E. Der mittelpaläolithische Fundplatz Il'skaja II im westlichen Kubangebiet. Zur Charakterisierung des Mittelpaläolithikums im Kaukasusvorland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 1998. Bd 45. S. 131–161.

Zamiatnine 1929 — Zamiatnine S. N. Station moustérienne a Il'skaia, province de Kouban (Caucase du Nord) // Revue Anthropologique. 1929. No 39. P. 282–295.

## RAW MATERIALS AND STONE TOOL MANUFACTURE AND USE PATTERNS ON THE ILSKAYA MOUSTERIAN SITE (NORTHWESTERN CAUCASUS)

V. E. Shchelinsky

The materials of Ilskaya are of outstanding importance for the study of the Middle Paleolithic period in the south of Russia. The lower cultural layers of the site (layers 5–7 of its eastern section) occur in alluvial deposits of the third terrace, which can be synchronized with the last (Eem or Mikulino) interglacial and dated to OIS 5c. The upper cultural layers (layers 1–4 of the eastern section) are associated with deluvial deposits of the same terrace and formed in the beginning of Wurm (Valdai). Cultural layers 3 and 4 can be provisionally correlated with OIS 5b–5d, whereas cultural layer 2 appears to be coeval with the Odderade interstadial (OIS 5a). The uppermost cultural layer 1 is dated to the first cold maximum of the Valdai glaciation (OIS 4) or early OIS 3. The industry of the site can be defined as Mousterian or Levallois-Mousterian with a small component of bifacial tools (Ilskaya type industry). Primary flaking was based on the Levallois technology. To produce their stone artifacts the inhabitants of the site used dolomite, various kinds of flint, as well as lydite and silicified varieties of aleurolite and sandstone. The unequal quality of raw materials conditioned the differences in their use. The main categories of tools, represented by various points, side-scrapers, and backed bifacial knives (*Keilmesser*) are made of flint and silicified rocks. They had long lives. Due to periodical rejuvenation they decreased in size, while their forms remained almost unchanged. By contrast, the artifacts of dolomite (mainly flakes and intermittently retouched blades) were not resharpened after use, but merely discarded and replaced with new ones. Best of all this is reflected in the materials of cultural layer 3, which were studied completely. In technological and typological respects the stone inventory of this layer differs from those of the other cultural layers of Ilskaya, though there are some common traits, too. The available evidence shows that the inhabitants of the site had to adjust their technologies to the peculiarities of the raw materials they used.